

Ванин Сергей

Спецотдел "Бесогон"

16+

Сергей Ванин
Спецотдел «Бесогон»

«ЛитРес: Самиздат»

2013

Ванин С. В.

Спецотдел «Бесогон» / С. В. Ванин — «ЛитРес: Самиздат», 2013

Книга рассказывает о деятельности спецотдела НКВД-МГБ «Бесогон». Офицеры отдела занимаются расследованием событий и преступлений, несущих на себе флер мистики и таинственности. Ведьмы, оборотни, упыри, злобные лешаки, коварные русалки – отнюдь не сказочные персонажи. Все эти персоналии существуют в реальности и несут смерть и горе рядовым советским гражданам.

Содержание

СПЕЦОТДЕЛ НКВД – МГБ «БЕСОГОН» – ИСТРЕБИТЕЛИ НЕЧИСТИ	5
Пролог	6
Савва Валерьянович Сорокин	9
«Серый» (Рассказ старшего лейтенанта МГБ Саввы Сорокина)	10
«Брюсовы Письмена» (рассказ старшего лейтенанта МГБ Саввы Сорокина)	26
«Ангельская эскадрилья» (рассказ лейтенанта МГБ Сергея Манцева)	34
«Тайна склепа поручика Лозницкого» (история, рассказанная лейтенантом МГБ Семеном Нечаевым)	38
Конец ознакомительного фрагмента.	42

СПЕЦОТДЕЛ НКВД – МГБ «БЕСОГОН» – ИСТРЕБИТЕЛИ НЕЧИСТИ

«Оперативный псевдоним отделу был присвоен лично Лаврентием Павловичем, именно глава всесильного ведомства НКВД стал основателем самого закрытого подразделения НКВД-МГБ, созданного в 1939 году. Он же поручил нескольким лучшим офицерам заниматься расследованием событий и преступлений, несущих на себе флер мистики и таинственности».

Из архивов Министерства Госбезопасности.

Я знал, что когда-нибудь настанет время рассказать общественности обо всем, что нам пришлось пережить. Мы были простыми чекистами, которых сама жизнь заставила бороться с тем, что во все времена именовалось одним емким словом «нечисть». Мы боролись с бесовским подпольем, защищая народные массы от страшных бед и напастей, которые могли бы случиться и иметь самые печальные последствия, не оказись на своем посту отважных людей, которыми мне довелось руководить. Мы расследовали преступления и проливали свет на события, отчеты о которых заставляли наших кураторов буквально цепенеть от ужаса.

Сейчас некоторые выдумщики пописывают страшилки, именуя этот жанр красивым зарубежным словом «хорор». Хотел бы я посмотреть на этих писак, оказись бы они на нашем месте! Как объяснить им, что ведьмы, упыри, злобные лешаки и другие отнюдь не сказочные персоналии существуют на самом деле и живут бок о бок с нами, обычными людьми? Они стараются быть незаметными и часто действуют исподтишка.

Однако в последнее время это бесовское племя активизировалось и чувствует себя безнаказанно. Им нечего бояться. Наша служба давно упразднена. Многие мои товарищи уже умерли, сам же я состарился и напоследок решил поведать о том, чем занимался возглавляемый мною отдел. Никто не обвинит меня в разглашении гостайны. Срок нашего молчания давно истек, и я волен поступать, как мне заблагорассудится. Судьба намерила мне долгий и трудный век и, завершая жизненный путь, я не в праве уносить с собой те удивительные сведения, коими обладаю ныне.

Я доверил своему другу собрать воедино рассказы моих офицеров и бережно донести их до читателей. Единственным условием было соблюсти стиль повествования этих преданных своему делу людей. Думаю, автору это удалось. Когда я читал книгу, у меня возникло стойкое ощущение, что я вновь слышу голоса давно ушедших в мир иной друзей и соратников....

С уважением. Вахтанг Дадуа, бессменный начальник спецотдела «Бесогон».

Пролог

Москва встретила скорый тбилисский поезд холодной февральской поземкой. Резкий, порывистый ветер временами проникал даже через плотно закрытые окна мягкого вагона. Вахтанг Дадуа в который раз достал из кармана кителя бланк телеграммы. Сов. секретная «молния» содержала в себе лишь четыре слова: «Срочно приезжай тчк. Твой Лава». В левом верхнем углу красовался жирный оттиск «НКВД».

Что, черт возьми, за спешка? «Лава», как могли называть наркома внутренних дел Лаврентия Павловича Берия лишь близкие друзья, никогда не относился к числу торопыг. Вахтанг убрал телеграмму и бросил взгляд в окно. Поезд подходил к перрону, немногочисленные встречающие высматривали в толпившихся в тамбурах пассажирах своих знакомых и родственников. Тот, кто ожидал Вахтанга, стоял недалеко от дощатой будочки с надписью «пончики и пирожки». Высокий стройный мингрел Тимур Кецбая был одет в синее драповое пальто, на голове бессменного секретаря Лаврентия Берии красовалась элегантная черная шляпа. Таким франтом капитана НКВД Кецбая Дадуа не видел уже несколько лет, тех пор, как гулял на свадьбе Тимура.

– Здравствуй, Тимури, почему ты в штатском, или в Москве стесняются принадлежности к наркомату внутренних дел? – пошутил Дадуа, крепко пожимая руку чекиста.

– Приветствую тебя, генацвале, – ответное рукопожатие Тимура заставило Вахтанга поморщиться от боли.

– Все так же занимаешься штангой? – Дадуа упрямо не начинал разговора о цели своего вызова в столицу.

– Давно бросил это дело, – Кецбая махнул рукой, – сейчас не до походов в спортзал. Занят по службе. Последний выходной был месяц назад.

Они вышли на привокзальную площадь, где Тимур оставил свой «паккард».

– Садись, Вахтанг, – Кецбая открыл перед гостем дверь авто, – Лаврентий Павлович ждет тебя.

– Лава сейчас в Кремле? – как бы между делом поинтересовался Вахтанг, зябко передергивая плечами.

– Нет, он ожидает тебя на явочной квартире, что на Арбате. Ты ведь там бывал?

Про эту квартиру не знали даже близкие к наркому офицеры-порученцы. Берия использовал арбатскую явку лишь для особо секретных встреч и переговоров.

– Бывал, но давно, – Вахтанг замолчал.

Он устал с дороги, и вяло наблюдал, как ровная лента асфальта мягко стелется под колеса отлично отлаженного автомобиля, закрепленного за секретарем Берии.

– Приехали, – Тимур остановил машину за квартал от нужного дома, – дальше пешком. Таково указание наркома.

– Ясно, – Дадуа попрощался с водителем и, выбравшись из машины, пошел дворами, тщательно проверяя, нет ли за ним слежки.

Нет, слежки не было. Вахтанг спокойно дошел до нужного подъезда и, не дожидаясь лифта, быстро поднялся на третий этаж. Два коротких, один длинный звонок. Давно заученный наизусть условный сигнал. Куда ж без конспирации? Губы Дадуа тронула легкая усмешка. Лава всегда был фантазером и выдумщиком. Ну, кому придет в голову следить за главой всемогущего ведомства, одно название которого вызывает трепет у широких народных масс?

Дверь открыл сам Лаврентий Берия.

– Я ждал тебя, друг, – нарком заключил Вахтанга в свои разлапистые объятия, – только ты можешь заняться тем делом, которое я хочу тебе поручить. Другие не справятся, или сойдут

с ума. Не для их костных мозгов то, что тебе предстоит сейчас осмыслить. Знакомься, Савва Валерьянович Сорокин. Твой напарник и помощник во всех светлых начинаниях.

Берия провел Вахтанга в маленькую комнату с плотно задернутыми гардинами на высоких полуovalных окнах. За стоящим в комнате столом, положив ногу на ногу, восседал сухощавый жилистый человек с большим шрамом на приятном интеллигентном лице.

– Вам предстоит сражаться с тем, что в стародавние времена именовалось одним емким словом – «нечисть», – Берия смотрел на Дадуа поверх своего знаменитого пенсне, – с победой Октябрьской Социалистической Революции это племя окончательно распоясалась и творит черт знает что. Оно и понятно, Советская власть официально отрицает существование всей этой самой нечисти, а та и рада стараться, устроила сущую вакханалию. Сладу никакого с ней нет, страдает наш советский народ от этой мразоты. Пришла пора для создания секретного спецотдела. Считаю, что именно в недрах НКВД должна родиться служба по борьбе с бесовским подпольем. Кому, как не нам бороться с этими исчадьями ада?!

– Что ты такое говоришь? – Вахтанг смотрел на друга с изумлением, – да вы в Москве тут совсем с ума, что ли посходили? Ты зачем меня из Грузии вызвал, что бы про каких-то ведьм, да леших рассказывать? Кто этот Савва Валерьянович? Вы, что, меня разыгрываете, что ли? – Вахтанг с негодованием бросил взгляд на невозмутимо раскуривавшего трубку Сорокина.

– Я, с вашего позволения, потомственный бесогон, – Сорокин смотрел на Вахтанга с вызовом, – и мой дед, и мой отец боролись с этими, как вы выразились, ведьмами, да лешими. Кстати бесово племя не ограничивается этими персонажами, есть куда более страшные представители потустороннего мира, приносящие людям реальный вред, сеющие беды и смерть. Раньше с ними боролись мы, специально подвигнутые на это люди, после семнадцатого года начались гонения на священнослужителей, и нас эти репрессии тоже коснулись. Я вот из своих сорока лет почти пятнадцать в лагере просидел. «Пришили» религиозную агитацию и паникерские настроения.

– Донесения с мест, Вахтанг, вещь упрямая, – нарком помассировал указательными пальцами разрывающиеся от хронических головных болей виски и, понизив голос, продолжил, – так вот, я распорядился направлять мне сообщения о всех невероятных событиях, происходящих на просторах нашей огромной страны. И знаешь, что, Вахтанг?

– Что?!

– Подобных сообщений с мест довольно много, и смертей простых советских людей тоже очень много. Нельзя сидеть, сложа руки, и отмахиваться от проблемы. Чекисты так не поступают, а мы с тобой – чекисты, Вахтанг. Понятно, что всему НКВД я про это рассказать не могу, а вот тебе смог, ибо, считаю своим другом, – Берия сорвал с носа пенсне и с досадой бросил его на стол, – короче, не желаешь принять вновь сформированный секретный спецотдел, уезжай обратно в Грузию. Пей вино, ешь шашлык, люби женщин. С нечестью будем бороться без тебя. В памяти народа СССР мы останемся лишь обычными чекистами, и почти никто не будет знать о наших победах над другими врагами, которых советская власть просто не признает, но от этого они не перестают быть врагами, так-то, Вахтанг!

Берия встал из-за стола и, подойдя к окну, резко рванул створку на себя. В комнату ворвался морозный воздух. Нарком ослабил галстук и расстегнул верхнюю пуговицу сорочки.

– Дай закурить, Вахтанг!

– Ты ж не куришь, Лава.

– Закурю, хоть, врачи и запретили мне придаваться этой пагубной привычке, – Берия метнул в Вахтанга острый, словно лезвие бритвы взгляд, – когда теряешь друзей, становится очень обидно. Ведь старый друг – это всегда частица тебя самого. Ты мне веришь, Вахтанг?

– Верю, – Дадуа почувствовал, как к горлу подкатывается твердый, словно камень, комок.

– Значит, останешься?

– Останусь, конечно, останусь, Лава. Я ведь давал присягу честно служить своему народу, там, где я буду нужен. Если я нужен здесь, что же, так тому и быть! Хоть и слабо верю в то, о чем ты мне здесь толкуешь!

– Ничего, поверишь, а пока, принимай дела! – Берия облегченно вздохнул, подвигая к Дадуа внушительную папку с написанными от руки донесениями. – И единственного пока сотрудника, лейтенанта НКВД Сорокина принимай тоже, – нарком легонько подтолкнул к столу поднявшегося из кресла Савву Валериановича, – офицерское звание присвоено ему по моему личному приказу. Тебя же я званиями отягощать не хочу. Должность моего личного советника подойдет?

– Более чем, – усмехнулся Вахтанг.

– Тогда прими мандат, – Берия аккуратно положил на стол машинописный лист с жирным оттиском печати Наркомата и размашистой подписью наркома.

«Вахтангу Дадуа оказывать всяческую поддержку и беспрекословно выполнять все поручения и распоряжения советника народного комиссара внутренних дел. Лаврентий Берия» – значилось в мандате.

– Вот это верительная грамота, при царизме нас такими не снабжали! – восторженно воскликнул Сорокин.

– О проделанной работе и проведенных операциях докладывать лично мне. Вашей группе будет присвоен оперативный псевдоним «Бесогон» – Берия убрал в карман пиджака пенсне, накинул пальто и, надвинув на глаза шапку-пирожок, шагнул в коридор, – явочную квартиру покидать по одному. Я – первый.

Вахтанг подошел к окну и осторожно отогнул край занавески. Через двор неторопливо шествовал полный человек в немного великоватом для его маленького роста пальто. Сильно ношенная каракулевая шапка и отсутствие пенсне делали наркома непохожим на самого себя. Двое школьников младших классов, игравших возле обледеневшей горки, кинули в спину полноватого маленького человека по снежку, и Берия, погрозив им кулаком, продолжил свой путь.

«Ах, как бы испугались родители пацанов, узнай они, в кого их детки бросали сегодня снежки», – подумал Вахтанг Дадуа.

Савва Валерьянович Сорокин

Я потомственный бесогон Савва Валерьянович Сорокин, сын – жандармского поручика Валериана Фомича Сорокина. Матери своей не знал, она погибла от рук одного подлого вурдалака, когда мне не было и года. Упырь, срывавший свое истинное лицо под маской действительного статского советника, таким образом отомстил отцу, который подобрался к нему слишком близко. Тогда мерзавцу удалось уйти невредимым. Много позже я все-таки разыскал и убил этого поганого кровопийцу, но об этом позже...

И отец, и дед мой были бесогонами и боролись с нечестью. Тайный отдел, в котором они проходили службу, существовал при Главном Жандармском Управлении. Я пришел на смену отцу в семнадцатом году. Было мне об ту пору без малого восемнадцать лет, я числился вольноопределяющимся и стал потихоньку участвовать в делах, что раскрывали мои старшие товарищи. Дел было достаточно много, но случившаяся Октябрьская Революция упразднила нашу службу. Жандармские офицеры были арестованы и впоследствии почти в полном составе расстреляны.

Мой дед не дожил до этих смутных дней, а отец, уволенный к тому времени из расформированного уже отдела, был растерзан пьяной шпаной возле Курского вокзала, где пытался подрабатывать носильщиком. Я же был арестован, обвинен в религиозной пропаганде и осужден на три года. Позже мне добавили еще десять за плохое поведение. Я успел отсидеть лишь половину срока, и был отпущен на свободу. Я устроился наборщиком в типографию, но вскоре был арестован вновь. На этот раз получил пятнаху. В составе политзэковского этапа меня отправили в один из мордовских лагерей, но вскоре последовал вызов в Москву, где я был представлен Вахтангу Дадуа, ставшему впоследствии моим начальником. Так я попал в отдел. Говорят, с моим делом знакомился лично Лаврентий Берия, именно он освободил меня из лагеря и предложил служить в спецотделе «Бесогон».

«Серый» (Рассказ старшего лейтенанта МГБ Саввы Сорокина)

« В спец отдел МГБ «Бесогон». Оперативное донесение под грифом «Секретно».

«Настоящим довожу до Вашего сведения, что в подведомственном мне районе, а именно, селе Граличи, что под Гродно, появилось жуткое существо, по виду напоминающее крупного серого волка. Тварь эта необычайно кровожадная и чрезвычайно хитрая. Впервые она была замечена мной во время разминирования оставленного фашистами минного поля. Тварь беспрепятственно передвигалась по заминированной местности, успешно обходя смертоносные участки. Мы пробовали стрелять по ней, но выстрелы не причинили этому существу ни малейшего вреда.

Так же довожу до вашего сведения, что на счету серой твари уже шесть загубленных человеческих жизней. Между тем, поймать эту осторожную зверюгу не представляется возможным. Прячется она в лесном труднодоступном массиве. Два дня назад силами расквартированного неподалеку от села саперного взвода проводилась проверка близлежащего леса, где по информации местных жителей видели накануне этого волка. Зверюгу не поймали, а людских жертв прибавилось. Растерзаны военнослужащие: младший сержант Никола Тихонюк и рядовой Валентин Михайлов. Отстав от основной цепи прочесывавших местность бойцов, они попали в когти волку-убийце. Нач. особого отдела отдельного саперного батальона лейтенант МГБ П.Будько. 11 мая 1946 года».

Прибыл я в это самое село Граличи уже под вечер. Местечко, доложу я вам, жутковатое. Рядом густой лес, угрюмая громада которого чернеет возле самого села. Околицы нет, в окошки крайнего домика ветки деревьев лезут. Полуторка, которая встречала меня возле жел/дор переезда, сделав свое дело и подбросив меня к покосившейся от времени избе сельсовета, тут же уехала. Председатель, крепкий лет под шестьдесят мужик выскочил встречать меня на крыльцо.

– Здравствуйте, – говорит, – меня Иваном Ефимовичем кличут, фамилия моя Гавриленок.

– Здравия желаю, – отвечаю любезно, но без фамильярности.

– Из самой столицы к нам?

– Из нее самой.

– Документики имеются?

– Как не быть, – достаю из внутреннего кармана шинели и протягиваю представителю местной власти свою «верительную грамоту». Мандат, на котором стоит подпись самого Берии, обычно делает людей суетливыми и подбострастными. Но этот тип подписи министра ничуть не испугался.

Читал он медленно и старательно, а, закончив изучение документа, потащил меня в пропахшую махорочным дымом свою контору. Предложив гостю единственный в помещении стул, сам Гавриленок присел на шаткий обшитый вытертым зеленым сукном столик.

– Беда у нас, товарищ Сорокин.

– Знаю, – говорю, – о ваших бедах. Попробуем разобраться.

– Нет! – Гавриленок мотает седой неприбранной головой, – не обо всем вам еще известно.

Лейтенант Будько прошлой ночью пропал. Его сослуживцы до сих пор лес прочесывают, тело ищут. Так-то вот!

– Чего же он в лесу-то ночью делал? – опешил я.

– Волка искал, взять самолично его вознамерился. За растерзанных ребят отомстить хотел.

Не нашлось у меня слов сказать что-либо в ответ. Молодой лейтенант был, горячий, хоть и повоевать малость уже успел. Одного не учел парень, нечего с наскака лезть туда, куда с умом лазить нужно. Сразу понял я, что не простой это волк был. По нашей части зверюга оказался, и схватка с ним предстояла серьезная. Даже не схватка предстояла мне, а поединок. Помощников брать я не хотел. Задействовать в своих операциях личный состав не из нашего отдела крайне не рекомендовалось, а точнее, строжайше запрещалось нашей внутренней инструкцией. Вести бой с нечестью офицеры «Бесогона» должны были самостоятельно, как наиболее подготовленные и посвященные в детали, знать о которых остальным не полагалось.

– Скажите, – говорю я председателю, – вы ведь тут давно живете? Саперы-то ведь к вам недавно на разминирование прибыли?

– Знамо дело, родился я в этой деревеньке. В гражданскую партизанил здесь и в германскую тоже партизанил привелось, – отвечает мне Гавриленок, – а саперы с полтора месяца всего как тут. Немцы много мин после себя оставили. До сих пор люди подрываются. Вот они и разминируют...

– А когда волк этот кровожадный в ваших местах объявился? – задаю я самый главный для меня вопрос, – не спешите, Иван Ефимович, подумайте хорошенько, прежде чем отвечать. От вашего ответа многое зависит, – говорю я, со значением поднимая вверх указательный палец.

Проверено не однократно: очень сильно действует на людей этот самый жест. Дисциплинирует, что ли, заставляет обдумать свой ответ. Вот и на председателя Гавриленка этот жест подействовал. Задумался старикан, почесал массивный с большими залысинами лоб и отвечает:

– Даже не знаю, как вам и сказать, товарищ старший лейтенант. Вроде бы перед самой войной зверюга эта объявилась. Потом, кажись, пропала ненадолго, а после опять свирепствовать начала.

– И при фашистах свирепствовала?

– И при них тоже кровь лила. И наших, и немцев драла зверюга эта. Никто ее изловить не мог. Знаю, у фрицев помощник местного коменданта капитан фон Лейниц охотником знатным у себя в неметчине числился. Вознамерился убить он волка этого, да только сам в лесах местных сгинул. После его исчезновения лютовали немцы очень...

Гавриленок замолчал, достал из кармана старенького затертого до дыр армяка кисет и принялся старательно сворачивать внушительную самокрутку.

– Оставьте это дело, Иван Ефимович. Вот папиросы, курите на здоровье, – говорю я и протягиваю Гавриленку пачку столичного «Казбека», – берите, не стесняйтесь. У меня курево еще имеется.

Председатель благодарно кивнул и, закурив, выпустил в потолок плотную сизую струю дыма. Зажмурившись от удовольствия, он медленно выпускал изо рта маленькие аккуратные колечки дыма.

– Скажите, уважаемый Иван Ефимович, а не было ли в ваших кроях чего-нибудь этакое, похожего на некое колдовство? В общем, не случалось ли чего-то не вполне понятного для простого человеческого разумения? – задаю я второй по важности вопрос.

Гавриленок поперхнулся терпким сизым дымом «Казбека» и затравленно взглянул на меня.

– То есть? Не совсем понимаю вас, товарищ старший лейтенант...

– Ну, не проживают ли здесь, в деревне, или где-либо поблизости какие-нибудь темные личности? Ведьмы, или что-нибудь в этом роде? – прямо спрашиваю я.

Гариленок погасил папиросу, зачем-то сунул окурок в ящик своего ветхого стола и, хорошенько прокашлявшись, ответил:

– Есть тут неподалеку избушка одной тетки. Чертычихой ее люди кличут, хотя по паспорту она Конько, Ярослава Конько. Местные несознательные, погрязшие в суевериях личности считают ее ведьмой. Но это все сказки...

– Как сказать, – пожал я плечами, – иногда сказки бывают правдивей самой жизни, – говорю.

– Не знаю, о чем вы толкуете. – Гавриленок глянул в окно на сгущавшиеся сумерки, – вечерять пора, однако. Поздно уже. Вы где остановились, товарищ старший лейтенант?

– Пока нигде, – я поднялся из-за стола и шагнул к двери, понимая, что разговор закончен.

– Можете квартировать у нас. Бабка моя довольна будет, места много, двое нас всего с нею, детей мы не нажили...

– Была мысль, в саперной части ночевать хотел, – ответил я, не желая стеснять старика.

– Расположение саперов в трех километрах отсюда, а моя изба рядом, – Гариленок указал рукой на стоящую неподалеку от сельсовета неприглядную кособокую избенку, – не гляди, что неказиста. Зато банька рядом имеется, – перехватив мой взгляд, продолжил председатель.

– Спасибо за приглашение, может статься, воспользуюсь, – я надел фуражку и, пожав руку председателю, вышел в стремительно сгущавшиеся сумерки.

Мне хотелось пройтись по деревне и поговорить с кем-нибудь еще. Не то, чтобы я не верил словам Гавриленка, но дополнительные сведения помогут составить более полную картину происходящего в Граличах.

Граличи оказались довольно-таки большой деревней. Главной улицы, как таковой, здесь не было, что характерно, для большинства белорусских сел той поры. Домишки стояли, как Бог на душу положит. Я отошел от сельсовета и двинулся по узенькой заросшей бурьяном кривой тропинке. Отойдя немного, оглянулся, в окне мелькнула и тут же пропала седая голова председателя. Гавриленок внимательно следил за мной, и это показалось мне странным. Но вскоре я нашел этому оправдание, мало кто обрадуется приехавшему из самой столицы офицеру МГБ. От такого гостя добра не жди. Думаю, старик Гавриленок понимал это очень хорошо.

Вскоре я заметил небольшую аккуратно побеленную хатку и свернул к ней. Забор возле домика был выстроен из длинных жердей, перехваченных ржавой проволокой. Калитка была не закрыта. Я вошел, навстречу мне выбежала маленькая кудлатая собачонка. Пару раз гавкнув для приличия, она неспешно удалилась в ладно сбитую будочку. А на крыльце показалась молодая статная женщина в меховой безрукавке и стареньких резиновых ботах.

– Вам кого? – неприветливо спрашивает она.

Не люблю, когда меня так встречают. Хоть бы для приличия поздоровалась, что ли.

– Старший лейтенант МГБ Сорокин, – говорю я строго и раскрываю перед ней корочки служебного удостоверения, – вы, кто будите, гражданка? – продолжаю еще более требовательно.

– Анна Ильинична Юрасина, местная учительница.

– Пройдемте в дом для важного разговора, – приказываю я, и первый направляюсь к крыльцу.

Анна Ильинична покорно семенит за мной. Вижу, барышня малость присмирела и, разглядев мои погоны и петлицы, стала полюбезнее.

– Не угодно ли чайку, товарищ офицер? – спрашивает.

– Отчего ж не выпить, если с добрым сердцем предлагают? – отвечаю я, снимая шинель и садясь к аккуратно застеленному чистенькой скатеркой столу.

В доме Анны Ильиничны и чисто, и тепло. Печка жарко натоплена, а в хате пахнет мятой и недавно испеченным хлебом. В то же время чувствуется, что живет учительница одна. Без мужика живет. Я это сразу чую. Нет следов присутствия противоположного пола, ни махрой

не пахнет, ни дегтем, ни, пардон, потом. Вещей мужицких тоже не наблюдается, да и постель у училки узенькая, лишь одной одишеньке спать на такой постели.

Наливает учительница чай. Ставит на стол и графинчик с самогоном. Закуску тоже ставит, богатый закусь, и сало, и колбаса кровяная. И огурцы соленые тоже присутствуют.

– Пейте, ешьте, товарищ офицер, – говорит она мне.

– Спасибо, Анна Ильинична,

Пью я чай, самогон тоже аккуратно так пробую и сальцом основательно закусываю.

– Так о чем вы меня спросить хотели? – напоминает учительница.

– Что ж, к делу, так к делу, – отодвигаю я в сторону кружку и задаю вопрос, – давно ли знаете тетку Чертычиху? Что можете рассказать о ней?

– Ничего про нее не знаю, – говорит учительница, потемнев лицом, – правда, ничего не знаю. Знаю лишь, что не любят ее тут, не любят, и боятся. Вроде, брат у нее был, да сгинул в войну. С той поры стала она нелюдима, хоть и так общительностью не отличалась. Никто к ней не ходит, и она никого не навещает.

– А про волка местного, что показать можете? – спрашиваю.

– Ничего, я в школе с детьми работаю, а волки уже по вашей части.

Обиженно говорит она и поворачивается ко мне спиной.

– А скажите-ка мне, гражданка, Юрасина, как это вас такую симпатичную и культурную женщину занесло сюда, в этот забытый Богом медвежий угол? – спрашиваю я своим самым строгим голосом, – вам бы не в местной школе, а в Москве, или же в Ленинграде детишек обучать. В театры, да на выставки знаменитых художников ходить. В парикмахерские, да к модисткам. Вы ведь, не местная? Из каких краев сюда пожаловали?

– Я сама. По зову сердца, в деревне и воздух чище и надбавки за сельскую местность, – лепечет, запинаясь, учительница, а у самой руки от страха дрожат.

– Хватит «арапа заправлять», – говорю я совсем строго, даже грозно, – хотите, я вам сам все про вас расскажу? Вы, Анна Ильинична, жена политзэка, или же член семьи врага народа, избалованного нашими доблестными органами. Вот от этих самых органов и улизнули вы в эту глухомань. Сейчас угадаю, кто вам тут прописочку оформил. Никак, председатель местный Гавриленок приютил?! Кто ж бывшего партизана проверять-то станет?! Не за красивые глаза, конечно, старикан старался. Вы ему, полагаю, любовью своей заплатили. Так?

– Так, прав ты, старший лейтенант Сорокин! – отвечает Анна, а у самой страх куда-то делся.

Глаза горят, волосы она распустила, скинула с себя меховую безрукавку и осталась в одном тонюсеньком платъице.

– С собой за свободу свою заплатила, – говорит она тихо, а глаза так и сверкают, – муж мой, полковник Юрасин, как и ты, тоже в армии служил, да под ложный навет угодил. Расстреляли его, а я сбежала. Гавриленок приютил, в городе на вокзале с ним познакомилась. Сказал, что учительница ему нужна в школу сельскую. Я и поехала, тут все лучше, чем в лагере. Одно плохо, мужика стоящего рядом нет! – говорит она, а сама платъе с себя, вжик! И сбрасывает прочь.

Я молчу, смотрю на нее и чувствую, как шалеть начинаю. Я таких женщин не видал никогда. Фигурка, как на станке выточена. Ноги, руки, груди, попа, все идеальное, без единого изъяна. Тело ее горит! Как домна, жаром пышет, а волосы колышутся, будто ветром их раздувает. А какой ветер-то в избе? Но это я уже потом понял. А тогда подался вперед и говорю:

– Держите себя в рамках, гражданка Юрасина, – строго сказать хочу, а голос куда-то делся, шепот, и тот почти неслышен.

Но она меня все ж таки услышала.

– А, как мне держаться-то, товарищ Сорокин? – спрашивает, – говорю ж вам, у меня и мужика-то толком последнее время не было. Гавриленок не в счет, старик он. А местных, коих война забрала, кои по домам с женами сидят.

И сама прыг ко мне. Не заметил, как и в койке ее узкой оказались. Только койка эта узкой быть вдруг перестала. Широкая сделалась, будто Военно-Грузинская дорога. Катались мы по ней и миловались, и ласкала она меня, как никто в жизни никогда больше не ласкал. Встать бы мне да бежать в тот самый миг, да куда там...

Вместе огнем гореть стали мы с ней, любили друг друга, как заведенные, словно кто-то силы наши стократ увеличил. Не помню толком, что было, будто провалился я в какой-то омут. Помню, откинулись мы на подушки мягкие и заснули в объятьях друг друга. Я, значит, и гражданка Юрасина.

Только проснулся я один. От ломоты страшной в спине проснулся, будто кто-то меня пилой двуручной по этой самой спине распиливал. Открыл я глаза и очумел малость. Лежу я на жестком чурбаке в какой-то заваленной всяким хламом избе. Грязь кругом, паутина, лохань старая, пополам треснутая, возле заколоченного досками оконца валяется. Стол весь мхом порос. Веревка полуистлевшая откуда-то с потолка свисает. Одним словом, картина разительно отличается от той, что была дома у учительницы Анны Ильиничны. И сама гражданка Юрасина куда-то подевалась. И что-то подсказывает мне, что не в школу на занятия она пошла, ох, не в школу. Стал я вспоминать гражданку Юрасину и вдруг вспомнил, что на левом локте у нее родимое пятно, поросшее черным жестким волосом, было. Голову круглую с маленькими длинными рожками напоминало по форме это самое пятно. Единственный изъян я у нее отыскал все же, но она сразу заметила это, и, фьют, другим бочком ко мне перевернулась. Вот шельма!

Встал я с лежанки, на которой в забытьи валялся, и на улицу побрел. Еле дверь на крыльцо отворил. Дверь разбухла от сырости вся, да и крыльца у домишки этого нет, так, доски гнилые одни от крыльца остались. Выбрался я кое-как из дома этого и по улочке зашагал. Только замечаю, что домик этот в отдалении от деревни Граличы стоит. Ну, да ничего, добрался я все-таки до ближайшей избушки. Вижу, во дворе девчонка среднего школьного возраста козу доит.

– Здравствуй, девочка, – говорю ей, – а скажи, милая, кто у вас в школе учительствует? Не Анна Ильинична Юрасина часом ли?

– Нет у нас никакой Анны Ильиничны, и не было никогда, – отвечает мне смышленная девчонка, – у нас Павел Потапович Лихогляд учителем. Так-то вот.

Признаться, не сильно я удивился такому ответу. Подозревать начал я Анну Ильиничну. И понял, что не совсем она гражданка Юрасова, а даже, можно сказать, что и не гражданка она никакая вовсе, а обычная ведьма, коих повидал я в своей жизни не так уж и мало.

«Ну, погоди, сука, – думаю, – будь я не я, если тебя не достану!». А сам размышляю, зачем эта паскуда мне встретилась? Наверняка, какую-нибудь свою цель преследовала, отвлечь меня от чего-то важного хотела. Не скрою, удалась ей эта ее затея. Но, об этом ниже...

Пошел я к сельсовету, а председатель Гавриленок и еще один незнакомый мне пожилой мужичонка в пиджачке сами мне навстречу бегут

– Вот вы где, товарищ старший лейтенант! – кричит Гавриленок, – мы с учителем нашим Лихолядом вас с самого раннего утра ищем. И товарищи военные по вашу душу прибыли. Идите с нами быстрее, они у опушки лесной стоят.

– Что стряслось? – говорю, а сам понимаю уже, что что-то нехорошее случилось.

– Тело Петра Будько в лесу обнаружили, – поясняет учитель Лихогляд, прибывший с председателем, – его наши школьники нашли. Они рано утром за дровами в лес поехали, а он лежит, бедолага, на полянке...

– Ясно, – прерываю я Лихогляда и бегу в указанном ими направлении.

Возле леса испуганные ребятишки, которые обнаружили тело Будько и несколько бойцов из подразделения, где служил лейтенант. Военных возглавляет высокий жилистый капитан с угрюмым землистого цвета лицом.

– Капитан Зарайцев, сослуживец Петра Будько, – как бы нехотя, представляется он.

– Старший лейтенант Сорокин, – козыряю я.

– Проследуем в лес, – кивает мне головой Зарайцев, – мы вдвоем пойдем. Вы здесь ждите! – приказывает он своим бойцам.

Те, вытянувшись в струнку, козыряют. Видно, что своего командира боятся они очень и очень сильно.

Вдвоем с Зарайцевым мы идем по высокой спутавшейся макушками лесной траве. Тропки нет, ясно, что здесь почти не ходят. Видны лишь свежие колеи от телеги, на которой ездили по утру за дровами.

– Местные здесь дрова еще полгода назад заготавливали, – поясняет мне Зарайцев, – с тех пор тут никого не было...

Я молчу, иду за высоким капитаном, еле поспеваю за его семимильными шагами. Шли мы с ним час с четвертью (я по часам своим «Командирским» засек), и вдруг перед нами открылась полянка. Аккуратненькая такая полянка, почти идеально круглой формы. В сторонке под высокими елями поленицы стоят, а рядом с ними что-то такое, напоминающее ложе, собранное из лапника... Я ближе подошел и увидел тело человека в полевой офицерской форме. Лейтенант Будько лежал на спине, умытый и причесанный. Лицо его было спокойным и умиротворенным, а грудь была закрыта чистой тряпицей. Казалось, что лейтенант просто отдыхает, если б не его сложенные по обычаю на груди руки. В руках вместо свечки была вставлена тонкая струганная палочка со следами крови.

Я, помню, подошел к телу Будько и отодвинул в сторону закрывавшую грудь тряпицу. На теле офицера зияла страшная рана с рваными черными от крови краями.

– Кто его убил, и вообще что здесь происходит? – спрашивает меня Зарайцев.

– Пока не знаю, но обещаю разобраться и решительно положить всему этому конец, – отвечаю я.

Зарайцева, как ни странно, этот ответ удовлетворил. Он достал из кармана своей белой от частых стирок гимнастерки несколько тонких машинописных листков бумаги и передал их мне.

– Вот, возьмите, нашел у Петра в столе, – Зарайцев развел длинными, как жерди, руками, – я ведь, как вы сами понимаете, сапер, а Петр был при нашем отряде особистом. Многих его дел я не знал, так что...

– Документы Будько, те, что мне только что передали, вы прочли?

– Нет! Какое я право имел? Я вам еще раз говорю, я – сапер, разминированием занимаюсь...

– Я все понял, товарищ капитан, можете забирать бойцов и возвращаться к своим служебным обязанностям, дальше я сам разбираться буду. Ваша задача – никому не говорить о том, что найдено тело Будько, – говорю я.

– Есть, понял, – Зарайцев облегченно вздохнул и, повернувшись на каблуках, бросил последний взгляд на тело лейтенанта, – жуть какая-то, сам не видел бы всего этого, ни за что не поверил бы...

Он еще раз взглянул на рваную рану на груди сослуживца.

– Всякое повидал, повоевал, видел, как миной, или снарядам людей в клочья разносит, но чтоб такое...

Он выругался и зашагал обратно к остававшимся на опушке своим бойцам, а я, усевшись на поваленную бурей ель, принялся изучать материалы, найденные в столе Петра Будько.

Бумаги оказались ответами из архивов МГБ. На запрос лейтенанта сообщалось, что некий уроженец здешних мест Игнат Конько был призван незадолго до войны в Красную Армию. Служить ему выпало в родных местах, недалеко, так сказать, от дома. Однако сразу после начала войны Игнат из армии дезертировал, но к немцам не побежал. Сколотив себе банду из таких же дезертиров, что и он сам, Игнат укрылся в здешних лесах и принялся разбойничать. Убивал и грабил Конько не только местных селян, но и пришедших в эти места оккупантов. Несколько раз совершал он налеты на германские обозы, и всегда оставался не пойманным.

Немецкое командование, отчаявшись изловить Игната, даже назначило вознаграждение за его поимку, или сведения о его месте нахождения. Однако все было тщетно. Налеты продолжались, плюс ко всему, в здешних местах появился волк, который отличался не меньшими бесчинствами, что и его человеческий собрат. За голову «серого», как в германских документах именовали зверюгу-убийцу, тоже была назначена награда в рейхсмарках, но зверь был неуловим. Человеческие жертвы, как среди мирного населения, так и среди германских военных неуклонно росли. Сразу после войны подразделение СМЕРШа было направлено на поимку Конько, но тот, словно сквозь землю провалился. Разбой и убийства его банда больше не совершала, что могло означать лишь одно, мерзавец ушел вместе с отступающими немецкими войсками, или самостоятельно покинул пределы советского государства.

Я закончил чтение и аккуратно убрал листки в карман шинели. Что ж, похоже, настала пора нанести визит гражданке Ярославе Конько, тетке Чертычихе, которая, по всей видимости, приходится родственницей матерому убийце Игнату Конько. Интересно, от чего это Гавриленок не рассказал мне о ее таком кровожадном родственнике?

Я выхожу на опушку леса и, делая изрядный крюк, пробираюсь к противоположной стороне Грालичей. Здесь домишки стоят поубористее, и народу на улице больше. Первый, кого я встретил, был Павел Потапович Лихогляд. Учитель суетился возле большой ломовой телеги, проверяя, как закреплены на осях мощные с толстеными спицами колеса. Рядом на завалинке чинно восседал капитан Зарайцев и два его верных бойца.

– Далеко ли собрались? – обращаюсь я сразу ко всем присутствующим.

– За телом Будько, – поясняет капитан, – хочу в город его отвезти. Сделаем все тайно, никто не заметит. Я бойцов ночью отряжу, учитель, вон, телегу школьную предложил использовать.

– Отставить, Зарайцев, – говорю я, – обойдемся без самодеятельности, товарищ капитан. Тело пусть находится на месте вплоть до моих особых распоряжений...

– Вам виднее, если считаете, что погибшему советскому офицеру пристало мертвым в лесу гнить, что ж, пусть так и будет, – зло проговорил Зарайцев, презрительно глядя на меня.

Я молчал. Капитан укоризненно покачал головой, сделал знак своим солдатам, и они пошли прочь.

Лихогляд растерянно смотрел им в след, он тоже собрался уходить, но я потревожил покой сельского педагога.

– Пустите в дом? У меня, к вам несколько вопросов, уважаемый гражданин учитель, – начал я, – первый – что можете рассказать о Ярославе Конько? Другие задам позже, после того, как ответите на первый.

Вопрос ничуть не смутил Лихогляда, в отличие от председателя Гавриленка учитель обстоятельно изложил все, что знал о тетке Чертычихе. По его словам выходило, что Ярослава давно живет вдалеке от деревни в лесу, что отец ее был назначен сюда лесничим, а матерый преступник Игнат Конько приходится Ярославе сводным братом, прижитым папашей от какой-то залетной бабенки. Нужно сказать, что мать Ярославы местная крестьянка умерла родами, производя на свет дочь, а папа-лесник прибыл из дальних мест. Со здешними обитателями лесник не знался, и незадолго до войны сгинул в лесу.

Нужно ли говорить, что никакой Анны Ильиничны Юрасиной учитель Лихогляд никогда и в глаза не видал, и ничего не знал о существовании этой женщины?

Закончив свой рассказ, Лихогляд умолк и уставился на меня в ожидании следующего вопроса.

– А, скажите мне, товарищ учитель, нет ли у Чертычихи еще каких-нибудь родственников, кроме упыря Игната? – спрашиваю я.

– Вроде бы нет, – отвечает учитель, а сам начинает переминаясь с ноги на ногу, будто стоит он не на родной земле, а на горячей сковородке.

Вспотел он и по сторонам поглядывает, будто опасается чего-то.

– Не бойтесь, уважаемый Павел Потапович, – ласково ободряю я учителя, – излагайте все, как есть. Меж нами разговор этот останется, слово чекиста. Опять же, вынужден предупредить вас, скроете что-нибудь, пожалеете. Наказание за сокрытие сведений строгим будет. Лагерь, как минимум! – говорю своим самым суровым голосом, который особенно хорошо действует на женщин и на людей пожилого возраста.

– Есть, вроде есть у нее кто-то, – шепчет учитель, – отлучается она порой. Я ее раз у детского дома в районном центре видал. Она к крыльцу шла и узелок несла. А я на телеге своей за учебниками школьными туда ездил. Так вот, она подвезти не просила, в тайне хотела свой поход сохранить...

– Все, что знали, рассказали? – строго спрашиваю я.

– Как на духу! – учитель прижал руки к груди, – все вам выложил. Можно мне теперь идти, товарищ офицер? Я ведь один живу, вдовствую вот уж пятнадцать лет. Мне еще по хозяйству успеть нужно...

– А не захаживали часом вы к тетке Чертычихе? По мужской части, я имею ввиду, – спрашиваю неожиданно даже для самого себя.

Не собирался я этот вопросец ему задавать. Интуиция моя сработала, и сработала, нужно сказать, действительно. Вопрос оказался нужным и своевременным, поплыл учитель, и рассказал, как сам, было дело, захаживал одно время к Чертычихе. Тайком ходил, по ночам. До сих пор те ночи ему памятливы. Никогда ничего подобного не испытывал учитель, молодым себя чувствовал вдовец преклонного возраста. И дальше б ходил, да раз встретил он возле четычихино дома председателя Гавриленка.

Сначала, обиду друг на друга старики таили, потом поговорили на чистоту и выяснили, что обоим им Чертычиха свои ласки дарила. Потом исчезла Ярослава куда-то. Рожала, видать. А ребенка в сиротский приют, стало быть, отдала.

– Видели ребенка-то? – спрашиваю.

– Д-да, девочка родилась, – запинаясь, отвечает учитель, – вроде на меня похожа, а Гавриленок говорит, что на него. Зачем в детдом отдала? – сокрушается Лихогляд, – почему сама воспитывать не стала? Ну, и мы б с Гавриленком помогали бы...

– Ладно, – говорю, – сейчас это дело уже прошлое. О настоящем думать нужно. Где дом Чертычихи?

– Зачем вам она? – встрепетулся учитель, – не ходите один по лесу. Волк ведь свирепствует. Хотите, я с вами пойду, или солдат возьмем для охраны?

Наказал я учителю дома оставаться и язык на замке держать, а сам двинулся в указанном направлении. Смеркалось уже. Но я тьмы не боялся, чувствовал, что правильным путем следую. Пока шел по деревне, заметил, что почти все ставни закрыты, лишь в некоторых избах горели подслеповатые керосиновые лампы. Жителей на улице не было. Грличичи словно вымерли, будто, в ожидании новых напастей.

Однако лично я чувствовал себя прекрасно. Мысли, что крутились у меня в голове до этой самой минуты, вдруг упорядочились, и все встало на свои места. Так часто в нашем деле бывает. Отец называл этот миг «моментом прозрения», а я именую «часом Ч». Начиная с этого

момента, пошел обратный отсчет времени, сколько «серому» жить осталось. В такие минуты бесогон особенно силен, и остановить его мало, кто сможет.

Нужно сказать, что связь между Игнатом Конько и серым хищником я уловил сразу. Обратней мне и раньше «валить» приходилось. Дело это не слишком трудное, но здесь особо свирепый экземпляр попался. Бастарами этих зверюг наши кличут. Среди обратней это наиболее опасный вид, питаются подобные особи лишь мясом человека. Особо почитаемое лакомство человеческое сердце, причем бастары в отличие от других своих сородичей существа мыслящие и мало зависящие от полнолуния и прочей ерунды. Эти твари особо уважают сердце того, кто за ними гонялся. Считается, что данное лакомство придает тварям силу и живучесть. Впрочем, вероятно, так оно и есть на самом деле. Бастары необычайно живучи, изворотливы и выносливы. Простой серебряной пулей их, конечно, не возьмешь. Тут нужна особая метода, подробно описанная одним карпатским воеводой по прозвищу Ян – Волкогон. Этот труд, датированный восемнадцатым веком, был настольной книгой у дореволюционных бесогонов, но после революции сей бесценный манускрипт сочли бреднями выжившего из ума старика и уничтожили книгу путем сожжения в буржуйке. Я по памяти восстановил многое из творений воеводы, теперь эти знания помогут мне убить этого «серого» мерзавца! Волчину нужно колоть, причем, обязательно в его поганое сердце. Специальный серебряный кинжал при мне, как, впрочем, и наган с полным барабаном серебряных патронов, от которых в данном конкретном случае пользы – чуть.

Тут для лиц непосвященных необходимо добавить, что данный вид обратней готовит свою ритуальную трапезу загодя. Тело несчастного охотника кладут вылежаться, твари ожидают, пока его окончательно покинет душа. По понятиям бастаров она уходит из тела вместе с вытекающими из тела каплями крови. Чушь несусветная, но проклятые зверюги свято в это верят. И именно поэтому оборотень Игнат готовится прийти к телу Будько в самое ближайшее время. Не знаю, как Игнат стал оборотнем, предполагаю, что перенял эту особенность от своего папаша – лесника. Многие из племени обратней по роду людской службы тесно связаны с лесом. Среди них немало лесорубов, охотников, лесников. Мне приходилось обезвреживать одного зловредного типа, который в своем человеческом облике трудился в конторе по заготовке лесных лечебных трав. В передовиках ходил злодей, пока я его «из оборота не вывел».

К слову, насчет причастности к ведьмам сестренки Игната Ярославы Конько я уверен наверняка. Часто это отродье появляется на свет, забирая жизнь у тех, кто им ее дает. Мать Ярославы, умершая родами, лишнее подтверждение моим наблюдениям. Хотя, как и во всяких правилах здесь есть исключения. Но в данном конкретном случае, мои умозаключения верны. Не будь, я потомственный бесогон Савва Сорокин. Именно Ярослава и есть пособница своего брата во всех его кровавых начинаниях. Скорее всего, именно Ярослава принимала меня в облике незабвенной гражданки Юрасиной. Первый раз ей повезло, укатала меня, но окончательный расчет произойдет именно сегодня. Так считал я, направляясь к дому тетки Чертычихи. Разве я мог знать тогда, что этот бой станет одним из самых трудных в моей богатой событиями жизни?

Однако я пришел. Вот она, избушка Ярославы, до нее несколько десятков метров. Хорошо видно, как она маячит в серых ранних сумерках. Хватит размышлять, пришло время действовать! Теперь нужно быть сверх осторожным

Я остановился и принялся наблюдать за лесным жилищем ведьмы. Построено оно было, видимо, еще ее папашей – лесничим. Место для добротного пятистенка было выбрано очень грамотно. В нескольких десятках метров бил чистейший ключ. Его неторопливое, размеренное журчание слышалось в затихающем шепоте леса особенно четко и явственно.

Огня в окнах не было. Держу пари, что ни керосина, ни лампы в хозяйстве Чертычихи отродясь не числилось. Ведьмы прекрасно видят в темноте, хотя при дневном свете порой бывают подслеповаты. Я прождал с полчаса, ловя каждый звук, доносившийся из дома, но там

было тихо. Лишь тихонько мяукал кот, да пару раз что-то звякнуло в сенцах. Пса у Чартычихи не было, что косвенно подтвердило мою версию о принадлежности бандита Игната Конько к поганому племени оборотней. Собаки с серыми тварями не уживаются, это знает каждый бесогон.

Я подождал еще минут десять. Все было по-прежнему, лишь стало еще темнее. Весенний вечер вступал в свои права. Пора! Я шагнул вперед и двинулся к избе мягким пружинистым шагом. В рукаве шинели я сжимал узкий, остро отточенный серебряный кинжал. Вот и крыльцо, я вскочил на него и стукнул ногой в дверь.

– Открывай, это я, Игнат, – прохрипел я, заходясь в тяжелом надсадном кашле, правдоподобно имитировать который научился, сидя в лагерях.

Давно известно, что шепот и хрип звучат почти одинаково у большинства особей мужского пола. Попробуй, распознай, кто это говорит на самом деле. Не распознала и Ярослава.

– А? Что? Игнатушка? Ты? – за дверью послышался торопливый шорох.

– Я! Ранен я, бесогон заезжий зарезал, кровью истекаю! – воодушевленный успехом захрипел я с новыми силами.

– Сейчас, родненький мой, сейчас, – запричитала Ярослава.

Лязгнул тяжелый засов, и дверь отворилась. На пороге возникла женская фигура в длинном домотканом платье.

– Сюда, Игнатушка, – Ярослава осеклась.

– Руки в гору, ведьмино отродье!

Я ввалился в сенцы и толкнул в комнату онемевшую от удивления и страха Ярославу. Сейчас самое главное в корне подавить сопротивление ведьмы, запугав ее, подчинить себе и сделать это максимально быстро. Тут все способы годятся.

– Твоя дочура у нас. Хочешь, чтоб она жила – делай, что велю, – прошипел я, вперивая немигающий взгляд в испуганные глаза ведьмы.

– Не трогайте Маню, умоляю! Она не такая, как я. Она обычная девочка. Родилась от обычного мужчины, – скороговоркой затараторила она, утирая рукавом мигом выступившие на глазах слезы.

– Молчать! – рявкнул я.

Только теперь у меня появилось возможность хорошенько рассмотреть Ярославу. Чертычиха была уже в годах, далеко за сорок. Лицо в глубоких морщинах, а уголки губ скорбно опущены вниз. Фигура ведьмы тоже была далеко не девичья. Сутулая спина, отяжелевшие, утратившие стройность ноги, грубые с большими ладонями руки. Да та ли эта женщина, что была со мной сутки назад?

– Закатай рукав на левой руке, – приказал я Ярославе.

Та, горько усмехнувшись, повиновалась. На дряблой коже виднелось хорошо знакомое родимое пятно. Ошибки быть не могло, передо мной лже-Юрасина.

– Дальше раздеваться не потребуешь? – зло выдавила из себя ведьма.

– И первого раза хватило, – бросил я.

– Не нравлюсь в своем обычном обличье? – голос ведьмы зазвучал вдруг зазывно и плавно, но я не поддался на этот нехитрый трюк.

– Уймись, пожалеешь! На кону жизнь твоей девочки, – грозно предупредил я.

– Не буду, прости, – голос Чертычихи снова стал обычным.

Теперь в нем явственно звучал страх за судьбу дочери.

– Про брата своего Игната сама расскажешь, или молчать станешь? Учти – «молчание золото» – поговорка не для вашего отродья, не для ведьминого. Тебе, Ярослава, соловьем заливаться нужно, что бы грехи свои замолить.

Произнося свой гневный монолог, я подошел вплотную к Ярославе и, взяв ее двумя пальцами за подбородок, сильно поднял его вверх. Прием этот я подсмотрел у главного режимщика

лагеря, где пришлось отбывать мне свой срок. Прием, хоть и грубый, но очень действенный, подавляет волю допрашиваемого и быстро развязывает ему язык. Ярослава, хоть и была ведьмой, но на подобные штуки реагировала, как обычная малограмотная баба, которой по сути своей и являлась.

Что она могла со мной поделывать? Это только в русских народных сказках ведьмы могут превращаться в животных, или, к примеру, летать на помеле. В жизни эти, в большинстве своем несчастные бабы, весьма ограничены в арсенале имеющихся в их распоряжении средств. Ну, что они могут? Ну, порчу навести, ну зелье приворотное спроворить, ну облик свой в весьма ограниченных временных рамках поменять. Проще говоря, молодухой прикинуться на короткое время способны, некоторые еще дорогу страннику запутать могут. Больше рядовая ведьма ничего предложить не может. Поэтому, почувствовав реальную силу противника, большинство из них пасует перед этой самой силой.

Так было и в этом конкретном случае, почувствовав, что я сильнее, Ярослава мигом прекратила выпендриваться и тут же рассказала, все что знала. По моему приказу она, кряхтя, встала на колени и полезла в подпол, где в тайнике хранила свой завернутый в чистую тряпицу семейный альбом.

Со старых пожелтевших фото на меня смотрели высокий статный мужчина в сюртуке, и стоявшая рядом с ним молодая женщина в старорежимном платье в пол.

– Мамаша с папашей, – с готовностью поясняла Ярослава, – папенька-то мой злыдень еще тот был. Маманю изводил, потом, когда та умерла, гулять начал. Это он Игната вырождением сделал, сам-то ведь тоже из такого же племени был.

– Оборотнем папаша оказался? – желая удостовериться в правоте своих предположений спрашиваю я.

– Точно так, – с готовностью подтвердила Ярослава, – и я через него ведьмой стала, и Игнат убивцем сделался. Хоть и не родные мы с братом в полном понятии этого слова. Папаша его от проезжей бабенки прижил...

– Есть фото братца твоего сводного? – интересуюсь я.

– Есть, только давнишнее, еще до призыва в армию фотографировался он...

Ярослава ткнула пальцем в маленький, потрескавшийся от времени снимок. С карточки смотрел угрюмый не улыбкающийся парень с характерным прищуром широко посаженных глаз. Даже в своем людском облики оборотень Игнат Конько сильно смахивал на волка.

– Когда явится твой брательник? – поинтересовался я.

– Не знаю я, – пожала плечами Ярослава.

– Не ври! Знаешь. Ты вообще пособница, верная помощница в его сатанинских начинаниях.

– Да, но он заставлял меня, – голос ведьмы задрожал.

– Знает Игнат о моем прибытии в Грालичи?

– Знает, – кивает головой Ярослава, – он хитрый, он опасность нутром чувствует. Игнат офицера саперного, что за ним охотился, сам нашел и убил. Думаю, что братец сегодня ночью к месту его гибели придет. Я обиходила тело этого парня и провела над ним сатанинскую мессу, кровь из тела выпустила. Мне Игнат приказал.

– Знаешь, где лесное логово твоего братца?

– Откуда мне знать? Да и никто не знает, а если б даже местные и знали, все одно, вам, товарищ офицер не сказали бы. Игнат не простит. Его ведь никто поймать не может. Думаешь, у тебя получится?

Я промолчал, тогда я старался об этом не думать, но позже все же вернулся к своим размышлениям. Как это дико не прозвучит, но считаю, что селяне из этих самых Грालичей оборотня Игната боялись до такой степени, что молча сносили от него эти кровавые набеги, трусливо радуясь, что их пока зверюга не тронул. Как потом выяснилось, даже представитель

власти Гавриленок искренне полагал, что сладу с ним никакого не будет. Ведь недаром же тревогу забил заезжий лейтенант Будько, а не кто-нибудь из жителей этой деревни. Но это я так, к слову...

В тот момент я уже имел план ликвидации серого мерзавца и просто претворял его в жизнь. План был прост, но должен был сработать. До полуночи оставалось совсем немного. Я велел Ярославе идти к месту, где лежало тело невинно убиенного лейтенанта Будько. Сам же я двинулся следом. Не понимая, что я задумал, Ярослава тряслась от страха, но все же послушно шла вперед. Из-за туч показалась луна, и в ее серебристом свете я отлично видел обтянутую старой телогрейкой спину ведьмы.

Я шел по лесу почти бесшумно. Этой манере научил меня в свое время один старый следопыт из Валахии. Нужно ставить ногу на пятку, а потом уже и на всю ступню. Чрезвычайно полезный навык, не раз спасавший меня от смерти.

Лес жил своей обычной ночной жизнью. Иногда вдруг слышался хруст ветки, или уха-нье филина. Ветерок пробегал по кронам тесно стоявших друг к другу деревьев, заставляя их шелестеть листвой. Я чутко ловил эти звуки, стараясь не пропустить таящуюся в них опасность, но ее не было. Дикое зверье, не выдержав конкуренции с оборотнем Игнатом, трусливо ретировалось, что, кстати, нередко происходит в местах, где орудуют наиболее опасные виды «серых мерзавцев».

По всей видимости, Игнат ждал меня у места расположения саперов, полагая, что я коротаю время в их лагере. Зверюга ошибся, ни останавливаться у саперов, ни привлекать их к выполнению своего задания, я не планировал. Сообщив председателю Гавриленку о своем намерении остановиться у саперов, я действовал по наитию, не предполагая, что эта ложь спасет мне жизнь. Я и сейчас уверен, что старик-председатель шепнул «серому» о том, где меня искать, но доказывать это свое предположение не хочу.

Итак, мы шли к месту, где лежало тело бедного Петра Будько. Даже сейчас по прошествии стольких лет мне искренне жаль этого молодого парня. Не осознавая истинной опасности, он полез в дело, в котором ничего не смыслил и принял лютую смерть от нежити, в существование которой никогда не верил.

Однако мы пришли. Первой на полянку ступила Ярослава. Я же оставался надежно укрытый длинными разлапистыми ветвями высоченных елей. Ярослава опустила пред телом лейтенанта на колени и аккуратно вынула из его сложенных на груди пальцев палочку, которая заменяла свечку. Выполнив это действие, она повернулась к ели, за которой стоял я.

– Что дальше? – тихо спросила она.

– Отнесем тело в чашу. Позже я распорядюсь забрать его и похоронить Петра как положено.

– Твоя воля, – смиренно согласилась ведьма.

Оттащив тело к густому разросшемуся орешнику, мы вернулись назад к аккуратно настиленному ведьмой еловому лапнику.

– Что ты задумал?

Ярослава смотрела на меня, как на сумасшедшего.

– Буду ловить твоего братца на живца.

Я улегся на холодный сырой лапник и сложил руки на груди.

– Пусть думает, что я Будько.

– Ты умалишенный, он учует тебя, оборотни необычайно чувствительны и распознают запахи на расстоянии. Каждый человек пахнет по-разному. Он отлично помнит все запахи.

– Посмотрим.

– Что ж, может, ты и прав, – ведьма нагнулась надо мной и вставила мне в руки палочку, залитую кровью лейтенанта Будько.

Лишь сейчас я заметил, что конец палочки опален огнем и превратился в уголек.

– Что это за ритуал? – поинтересовался я

– Так положено у бастаров. Этот нагар на кровавой свече – знак того, что по убиенному прошла сатанинская месса.

Я промолчал, условности этих полу-людей, полу-волков поражали своим цинизмом, но я воздерживался от выражения эмоций. Я упорно ждал Игната, и он пришел. Было чуть больше двенадцати, когда в обычной звуковой гамме ночного леса появились другие, чуждые ей звуки. Я сразу уловил их, тяжелое дыхание, казалось, было многократно усилено каким-то страшным рупором. От этих звуков холодела кровь, и все живое почтительно замолкло, признавая, силу, идущего по лесу полу-зверя, получеловека.

Игнат явился на поляну в своем человеческом обличье. Даже сейчас он был демонически страшен. Длинная до пят немецкая шинель разошлась на груди и едва прикрывала мощное тело атлета. Глаза с неприятным холодным отблеском, заметные на его лице даже в ночной тьме, казалось, жили какой-то своей, отличной от всего тела жизнью. Они то сужались, то, наоборот широко распахивались, едва не вылезая из орбит. К моему удивлению он был аккуратно выбрит и коротко стрижен под ноль. Мощный квадратный подбородок часто дергался, а крупный хищный нос ходил ходуном, захватывая огромными ноздрями терпкий воздух лесной ночи. Шеи у этого гиганта не было. Круглая, похожая на огромный бульжник, голова его покоилась прямо на широченных плечах. Длинные мускулистые руки с огромными кулачищами, то вскидывались вверх, то безвольно висли плетями вдоль его здорового тела.

Признаться, первой, еще неосознанной моей мыслью, было атаковать его прямо сейчас. Но, поразмыслив, я тут же отказался от этих намерений. Известно, что убивать оборотня надежнее, когда тот находится в своей волчьей ипостаси, или же во время его перехода из одной формы в другую. Игнат же менять свое обличье не собирался. Вместо этого он вдруг шагнул к жавшейся у кустам орешника Ярославе.

– Одна пришла? – прохрипел он, тяжело дыша.

– Одна, – едва выдохнула ведьма.

– Чую человека, чужого чую, – бросил Игнат.

Он нагнулся к земле и шумно вдохнул в себя запах трав. Секунду он тщательно принюхивался и вдруг торжествующе вскинул голову вверх.

– Предала, окаянная? Навела беду на братца?! – взревел он и скакнул в моем направлении.

Игнат безошибочно и почти мгновенно учуял чужака. Редкий для оборотня случай, обычно, в лесу они не особенно быстро различают запахи. Слишком много посторонних раздражителей их поганого обоняния, но этот тип оказался дюже расторопным, тут же перешел к решительным действиям и бросился на меня.

Ярослава пала бездыханная, хотя изверг атаковал именно меня, и, буду откровенен, в первый миг я тоже испугался, слишком мощным парнем оказался этот Игнат Конько. Правда, замешательство мое было весьма кратковременным и длилось не больше секунды. Уже в следующее мгновение я был готов к схватке. Сжимая длинный серебряный кинжал, я изготвился встретить врага, и тут мне повезло. Быть может, единственный раз за все мое расследование.

Дело в том, что тут Игната настиг «миг перерождения», так именуется на нашем профессиональном языке тот момент, когда особь меняет свое обличье, переходя из человеческого в волчье состояние. Нужно сказать, что момент этот наступает внезапно даже для самого оборотня и всегда сопровождается довольно сильными болевыми ощущениями для перерожденца. Так было и с Игнатом. Внезапно остановившись, он упал на спину и стал биться в конвульсиях. Его мощное тело извивалось, словно закручиваясь в гигантский узел. Отборнейшая ругань мешалась с волчьим воем и страшным хрипом. Омерзительный запах застарелой псины лез в нос, заставляя мои легкие сжиматься от этой всепоглощающей вони. Кашляя и давясь,

я попытался броситься на тварь, стремясь воспользоваться ее беспомощным состоянием, но тут же отскочил назад.

Сильнейшая волна жара обожгла меня с ног до головы. Подобраться к перерождавшемуся в оборотня Игнату было невозможно, это все равно, что пытаться войти в доменную печь. Говорю это без преувеличения, ибо ни до ни после не испытывал ничего подобного.

Случается, что оборотни могут контролировать себя и проявляют свои звериные инстинкты лишь во время пребывания в волчьем обличии. С бастарами все не так, эти твари – звери по своей сути, в каком бы состоянии они не пребывали. Недаром Игнат творил свои злодеяния и в человеческом, и в волчьем обличии. Позже мне приходилось валить еще несколько бастаров, но ни у одного из них я не встречал такого мощного теплового воздействия, как у этого душегуба Конько.

Сжимая в руках кинжал, я ждал, когда страшное действие превращения наконец-то закончится. Мое ожидание длилось с минуту, быстрое превращение, доложу я вам. Другие особи могут мучиться несколько часов...

Однако превращение закончилось, я понял это по внезапному ослаблению жара. Вновь стала ощутима прохлада лесной ночи. Волк пружинисто вскочил на лапы и тут же бросился вперед. Глаза его были огненно красными, а тело напоминало выпущенную из лука стрелу. Он летел легко и стремительно, опьяненный ощущением почти свершившейся уже победы. Я был в его понимании не просто добычей, но поверженным врагом, вкус сердца которого он очень скоро опробует на своем сатанинском пиру. Он уже считал меня мертвым, но, как часто бывает, просчитался.

Инстинкт бесогона штука в нашем деле незаменимая. Как учил меня еще мой дед, нужно заранее планировать бой. Правильно выбранный прием решает все, и я это прием выбрал почти автоматически. Увидев, что волчина увлекся прыжком и воспарил на добрых полметра, я тут же использовал этот просчет. Поднырнув под его вытянутое в струну тело, я ударил, метя твари в сердце. Сжимая кинжал обеими руками, я увеличил силу своего удара.

Естественно, в первый раз я промахнулся, но основной своей цели все же достиг, я сбил «серого» наземь и довольно сильно распорол ему шкуру. Бастар оказался лежащим на спине, что было мне руку. Задержав дыхание, я прыгнул на него, и, втянув голову в плечи, принялся колоть его в грудь.

Тварь взвыла, его когти нещадно драли мне спину, разрывая в клочья кожу, но это были всего лишь судороги умиравшего. Один из моих ударов, не знаю точно, какой именно, достиг цели, поразив мерзавца в самое сердце. Вскоре оборотень стал слабеть и, в конце концов, обмяк.

Я поднялся на ноги и отер о его шкуру свой кинжал. Волк был мертв, но это было еще не все. Теперь мне предстояло наблюдать обратное превращение. Отдав концы, тварь вновь обретает свой первозданный вид. Но сейчас это все было не так импульсивно. Никаких метаний и конвульсий не было. Буквально на глазах исчезла волчья шкура и испачканные в моей крови когти, вновь явилось взору атлетически сложенное тело Игната. Все это происходило быстро и плавно, я даже не замечал как. Лицо Конько было теперь спокойным и не таким отталкивающим страшным.

Игнат лежал на боку, выбросив вперед сильные руки. На поросшей черными волосами груди зияла глубокая рана, из которой на траву медленно сочилась кровь. Все это я видел в ясном свете вышедшей из-за туч круглой луны. По стечению обстоятельств сегодня было полнолуние. Время умирать для оборотня Игната.

Я уселся прямо на траву и достал из кармана разодранной в клочья форменки смятую пачку «Казбека». Закурив, я с наслаждением выпустил в ночное небо тугую струю сизого дыма. Что я чувствовал? Ничего. Я просто сделал свою работу, избавил людской род от еще одного мерзавца, именуемого одним емким словом «нечисть».

Ярослава Конько, придя в себя и завидев мертвое тело брата, завывла в голос и принялась утирать сочившуюся из его груди кровь подолом своего длинного домотканого платья. Как ни странно, мне стало жаль ее.

– Будет, неужели ты плачешь по этому мерзавцу? – спросил я.

– Он не всегда был таким, – ответила она сквозь слезы.

– Забудь о нем.

Я докурил папиросу, выбросил окурок и встал с травы.

– Пойду к саперам. Нужно кое-что взять у них. Скоро вернусь. Жди меня здесь, не вздумай сбежать, – приказал я.

– Можно, я посижу рядом с ним? – тихо проговорила Ярослава.

Я ничего не ответил. Даже не оглянулся, когда пошел в расположение саперного батальона.

Там я разыскал капитана Зарайцева. Заспанный, он вышел ко мне в одних несвежих кальсонах и застыл, изучая мое испачканное в крови оборотня лицо.

– Кто это вас так? – наконец вымолвил он.

– Неважно. У меня к вам просьба, товарищ капитан.

– Слушаю!

Зарайцев вытянулся в струнку и подтянул свои кальсоны.

– Добудьте большой дерюжный мешок и бутыль керосина. Затем прикажите снарядить подводу, нужно вывести тело лейтенанта Будько. Сами же срочно отправляйтесь в Грालичи. Соберите там народ, возьмите Лихогляда, Гавриленка, прочих крестьян и ведите людей на поляну, где был обнаружен труп Будько.

Закончив говорить, я повернулся и двинулся обратно. Зарайцев молча смотрел мне в след. Наверное, более странного приказа он не получал ни до, ни после нашей с ним встречи. Однако выполнил капитан все исправно и старательно. Спустя ровно час после моего возвращения на поляне появились заспанные жители Грालичей. Приехал Лихогляд на своей телеге.

Все время, что мы ожидали селян. Ярослава провела возле тела брата. Встав на колени, она тихонько выла, но я не мешал ей, лишь, когда появились люди, приказал ведьме отойти.

– Смотрите на него! – я указал на тело Игната, – тот, кто держал вас в страхе, теперь мертв, и это все, что я хотел вам сказать.

Люди, толкая друг друга, кинулись к телу оборотня, образовав вокруг тесный круг, они во все глаза смотрели на распластанное на земле тело мучителя. Гавриленок и Лихогляд подошли последние.

– Это он, – едва ворочая языком, проронил председатель.

– Он мертв! – торжественно возвестил учитель.

– Мы можем идти домой? – вновь подал голос председатель.

Он не смотрел на меня, я тоже не удостоил его взглядом.

– Естественно, идите, – спокойно произнес я.

Гавриленок хотел сказать еще что-то, но, так и не решившись, махнул рукой и зашагал обратно в деревню. Остальные жители, перешептываясь, потянулись за ним. Зарайцев и его бойцы, погрузив на телегу тело лейтенанта Петра Будько, тоже отправились восвояси. На поляне возле поверженного оборотня остались лишь я, Ярослава и переминавшийся с ноги на ногу учитель Лихогляд.

– А что будет с Чертычихой и ее девочкой? – спросил он меня, когда все разошлись и вдалеке замолкли обрывки разговоров селян.

– Не могу вам сообщить, – я пожал плечами, – и Чертычиха, и ее дочка отныне поднадзорные элементы. Спустя время, вы можете послать в МГБ запрос об их местонахождении, но, поверьте моему опыту, ответа вы не получите.

– Вот как? Но, может статься, девчурка – моя дочка, – голос старика дрогнул.

– И тем не менее...

Мне было искренне жаль его, но сообщать какие-то сведения в подобных случаях нам строго запрещено.

Лихогляд ушел. Утихла, наконец, поскуливавшая, словно собачонка, ведьма Ярослава. Все-таки любила она своего изверга-брatца, поэтому я и отправил ее домой. То, что я делал после, надлежало, согласно нашей инструкции, делать в тайне. Но действия эти были не сложные и хорошо отлаженные за время службы. Со времен царизма действия эти не претерпели никаких изменений, и я крепко запомнил их порядок.

Оставшись один, я положил тело Игната в большой дерюжный мешок, что принес Зарайцев, и, обильно полив керосином, поджег его. Как обычно, тело оборотня горело споро и зеленоватым пламенем, так горят впрочем, тела всех представителей бесовского отродья. Закончив, я развеял пепел над лесной поляной и отправился в дом Чертычихи-Конько.

Наутро я увез Ярославу из Грaличей и забрал из приюта ее дочь. Обоих я доставил в столицу и доложил о выполнении задания своему непосредственному начальнику Вахтангу Дадуа. Ему же предстояло решать судьбу ведьмы Ярославы и ее незаконнорожденного дитя.

Дадуа распорядился, как всегда, мудро. С ведьмой провели беседу и предупредили о том, что отныне за ней будут неустанно следить офицеры Бесогона. Конько клятвенно обещала завязать с темным прошлым и никогда не баловаться бесовщиной. Думаю, она сдержала свое слово. Во всяком случае, больше мы ею не занимались. Слышал, что Чертычихе с дочкой дали комнату в общежитии. Ярославу трудоустроили на Трехгорку, а ее девочку записали в фабричную школу.

Жизнь простой советской труженицы оказалось ведьме не по нутру. Она начала пить, стала быстро стареть и вскоре умерла, дочь жива до сих пор. Она давно выросла, закончила текстильный техникум, создала свою семью, о темном прошлом матери ничего не знает.

Так и закончилась эта история.

Кстати, сведения о полковнике Юрасине я все же запросил. Был такой офицер, но служил он еще в царской армии. Незадолго до революции воинская часть Юрасина стояла в районе Грaличей. Сейчас от места расположения того полка ничего не осталось, лишь заброшенный дом, в котором квартировал полковник со своей молодой женой.

Из архивных материалов следовало, что Юрасин совершил кражу средств из полковой кассы, но был изобличен, не вынес позора и покончил собой. Повесился в собственном доме. В деле содержались показания сослуживцев полковника. Все они утверждали, что Юрасин пошел на преступление из-за своей красавицы жены. Де, именно она мотовка и кокетка довела честного служаку до такого некрасивого поступка, а сама, получив денежки, покинула местное захолустье и исчезла в неизвестном направлении. В деле содержалась старая, затертая до дыр фотография жены полковника. Нужно ли говорить, что на ней Ярослава Конько была изображена в том же самом привлекательном обличье, в коем эта коварная особа являлась и мне в первые часы моего пребывания в Грaличах?

«Брюсовы Письмена» (рассказ старшего лейтенанта МГБ Саввы Сорокина)

Последний месяц победного 45-го выдался в Москве вьюжным и холодным. Я блуждал по району возле Сухаревой башни, заглядывая во все дворы и переулки. В этот ночной час я поднял воротник своей шинели и поглубже нахлобучил форменную фуражку.

Холодно! А ночью холодно особенно! Вот так я хожу уже почти три недели по опостылевшей декабрьской стуже. С той самой поры, когда на пороге кабинета нашего шефа Вахтанга Георгиевича Дадуа возник начальник местного отделения милиции майор Фрол Иванович Степанчиков. Я как раз был в кабинете Вахтанга и уже собирался уходить, но Дадуа велел мне остаться.

– Выслушаем товарища майора вместе, – решил начотлдела.

Козырнув, майор уселся за стол и, отказавшись от предложенного ему чая, сразу приступил к делу.

– На территории вверенного мне района действует неизвестное науке существо, – Степанчиков перевел дух, – на секретном совещании всем начальникам отделений милиции было приказано сообщать о происходящих на подведомственных территориях всяких непонятных случаях в ваш отдел. Правильно?

– Именно так, – подтвердил Дадуа.

– Вот я и сообщаю, – майор решительно рубанул рукой воздух, – за истекшие два с половиной месяца на моей территории постоянно происходят странные вещи. Какой-то тип, по виду похожий на некое приведение, пугает припозднившихся прохожих, воеет на все голоса в подвалах и на чердаках, да и, вообще, ведет себя омерзительно. Население целого района живет в страхе, а наемдни произошел и вовсе из ряда вон выходящий случай. Сменившаяся с дежурства беременная медсестра одной из больниц Ольга Суханова потеряла ребенка и едва не умерла от страха. Ее атаковал некто в темном плаще и капюшоне, надвинутом на глаза. Он вещал нечто нечленораздельное и размахивал испачканными кровью руками. Девушка упала, сильно ударилась, как следствие, у нее случился выкидыш.

Закончив сообщение, Степанчиков с надеждой посмотрел на нас с Дадуа.

– Выручайте товарищи. Это по вашей части. Мне б с простыми урками разобраться. Сотрудников катастрофически не хватает. Люди буквально с ног валяются... – горестно вздохнул милиционер.

Это было сущей правдой, милиция испытывала сильнейший кадровый голод, а уголовный элемент столицы окончательно распоясался.

– Сделаем все, чтобы нейтрализовать этого типа в капюшоне. Думаю, что нам это удастся, и порядок на вашей территории будет восстановлен, – авторитетно заявил Дадуа майору Степанчикову.

– Вот спасибо! – майор облегченно вздохнул, вскочил, торопливо открыл выдавший виды брезентовый портфель и, достав из него стопку исписанных листков, аккуратно положил ее на угол стола, – здесь кое-какие материалы, относящиеся к делу, – пояснил он.

– Изучим, – пообещал Дадуа.

– Обязательно изучите, а мне на службу пора!

Вновь козырнув, майор схватил свой портфель и стремительно выбежал из кабинета. В окно было видно, как Степанчиков выскочил из здания, проворно забрался в служебный «Хорьх» и, рванув машину с места, укатил по направлению к своему околотку.

– Достал майора этот призрак в капюшоне, – невесело усмехнулся я.

– Да, уж...

Дадуа взял со стола пачку исписанных листков, которые оставил майор, и, быстро просмотрев их, взглянул на меня.

– Тут протоколы. Всего шестнадцать случаев. Все повстречавшиеся с призраком показывают одно и то же. Фантом упоминал что-то о заупокойной службе и невинно убиенных, взмахивал испачканными кровью руками и исчезал, обдав потерпевших волной могильного холода...

– Стандартный набор действий неуспокоенной души, – я пожал плечами и поинтересовался, – каков социальный статус заявителей?

– Разный, – Дадуа заглянул в бумаги, – кроме известной нам медички Сухановой, есть жалобы и от других людей. Профессорская чета Пятигоровых, возвращаясь с именин сестры профессора, видела фантома возле дровяных складов. Настройщик музыкальных инструментов Филипухин выполнял срочный заказ дома у известного певца. Мастер мебельной фабрики Шатунов шел со смены домой. Студентка-вечерница Акрамова тоже возвращалась домой после занятий. Работницы камвольно-суконного комбината шли на ночную смену из общежития. Сантехник жилконторы Савушкин торопился по вызову, трубу в соседнем доме прорвало. Все случаи имели место быть в Зарядье. Все граждане видели фантома глубокой ночью и не доверять их словам нельзя.

– Что ж, навещу последнюю жертву, медичку Суханову. Остальные расскажут тоже самое, – я поднялся со своего места.

– Дальше, что делать думаешь, Савва? – поинтересовался Вахтанг.

– Дальше придется обходить район действия фантома. Буду искать с ним личной встречи. Найду его, будет видно, что это за фрукт. Исходя из этого, решу, как урезонить эту персоналию.

– План одобряю, – кивнул Дадуа, – тем более, что в сложившихся обстоятельствах ничего другого придумать и нельзя. Действуй, Сорокин! Надеюсь на тебя.

Я козырнул, вышел из кабинета и с тех пор больше не входил в него. На службу я тоже не являлся. Днем я отсыпался, а ночью вел охоту на призрака. Но так ни разу и не видел его, прошло уже достаточно времени, но таинственный фантом будто исчез....

Встреча с медицинской сестрой Сухановой дала кое-какую пищу для размышлений, но сильно моей задачи не упростила. Проведать медичку я решил на следующий день, после визита к нам в отдел майора Степанчикова. Девушка лежала в своей же больнице, откуда и ушла домой в ту роковую ночь. Заботливые коллеги поместили Ольгу в отдельную палату и разрешили мужу навещать жену в любое удобное время.

Когда я вошел в маленькую, жарко натопленную комнатку, угловатый сутулый мужчина в больших роговых очках сидел возле постели жены. Ольга лежала неподвижно. Ее взгляд был устремлен в потолок. Узкие бескровные губы тихонько шептали что-то одной ей слышимое и понятное.

– Здравствуйте, – козырнул я и достал из кармана кителя служебное удостоверение.

– Оля, это к тебе. Товарищ из органов, – пояснил жене мужчина, заботливо поправляя одеяло.

Несмотря на тепло, Ольга мерзла, озноб бил ее худенькое, как у подростка тело. Она вдруг посмотрела на меня, и я физически почувствовал ее страх.

– Было осень страшно. Он возник, будто из ниоткуда, появился, словно из воздуха. Понимаете?

Девушка приподнялась на больничной койке и смотрела на меня широко раскрытыми от ужаса глазами. Зрачки ее расширились, словно таинственный призрак и сейчас был перед ней, в том темном ночном переулке старой Москвы.

Я молчал, боясь своими расспросами испугать ее еще больше. Однако Ольга сама продолжила рассказ.

– Он передвигался по воздуху, то удаляясь, то приближаясь, он будто парил над землей, и все что-то просил. Буквально умолял...

– Что он хотел?

– Не знаю, – Ольга зажмурилась, словно свет больно резал ей глаза, – мне показалось, что он говорил что-то про заупокойную службу, которую нужно отслужить по невинно убиенным. Твердил, что ему не удалось сделать что-то очень важное.

– Что же он не сделал?

– Не знаю, я не поняла его. Призрак, он все время махал запачканными в крови руками и временами принимался выть. От его воя я почти оглохла, у меня кровь в жилах от ужаса застыла. Я вскрикнула, а он стал медленно удаляться, улетать. Уплывать куда-то в сторону, будто его несло ветром. Потом он исчез, обдав меня таким мертвенным холодом, от которого я тут же потеряла сознание. Я упала, ударилась, и вот, теперь я не смогла выносить ребенка, потеряла его...

Она залилась слезами. Сначала плакала тихо, а потом вдруг разрыдалась. Муж медички смотрел на меня с негодованием, словно это я был повинен в постигшей их беде. Что ж, отчасти он был прав, моей задачей являлось не допустить подобного развития событий. Усмирить возмутителя городского спокойствия следовало намного раньше, пока он не нагадил гражданам, но майор Степанчиков, будь он неладен, добрался до нашего отдела слишком поздно.

– Извините, мы примем все необходимые меры...

Я шагнул к двери и успел услышать брошенные с горечью слова. Они ударили мне в спину, словно пули пистолета ТТ.

– На что мне теперь ваши меры?! Они запоздали! Мне нужен ребенок, мой ребенок! Понимаете?! – кричала обезумевшая от горя женщина.

Не дай вам Бог пережить то, что пережила эта худенькая женщина. Ее полный горечи и укоризны взгляд преследует меня даже в сейчас, в глубокой старости. И хоть прошло столько лет, я отчетливо помню выражение ее глаз. И не забуду их до конца своих дней, коих осталось совсем чуть-чуть.

Еще я навестил начальницу местной жилкоторы гражданку Фриду Савельевну Кац. Крикливая и властная женщина с большой вавилонской башней из крашенных стрептоцидом волос на маленькой яйцевидной головке моментально примолкла, увидев перед своим носом красную книжечку моего удостоверения. До этого она ретиво распекала здорового пьяного в дым детину с разводным ключом, который торчал из левого кармана заношенной до дыр телогрейки. С моим появлением разнос подчиненного в миг закончился.

– Воет, воет, по всем подвалам и чердакам кто-то воет и плачет. Житья от него никому нет. Зайдешь – нету никого. Выйдешь – вытье и нечленораздельные причитания начинаются заново, – испуганно проведала она, хлопая густо накрашенными ресницами.

– Шум идет из какого-то конкретного подвала или чердака? – поинтересовался я.

– Нет, страдает вся округа. Нечисть озорует по всему нашему району, – ответила Кац.

– Ясно, – я повернулся уходить, но перед этим строго погрозил Фриде Савельевне пальцем, – надеюсь, вы понимаете, что наш разговор должен остаться между нами?

– Конечно, конечно! – Кац послушно кивнула своей вавилонской башней.

Сказать, что встречи с этими двумя такими разными женщинами мне совсем не помогли, значит погрешить против истины. Кое-какую пищу для размышлений они мне все же дали. Днем я набросал карту района, где безобразничал призрак, и выявил несколько проблемных мест. Район был большой, и их оказалось довольно много. Целых шесть!

В одном доме купец второй гильдии Прохоров в пьяном угаре насмерть забил собственную дочь, принесшую в подоле от какого-то смазливового приказчика. Самого приказчика вскоре нашли зарезанным в канаве, возле лавки, где он продавал прохоровские скобяные изделия.

Еще в одном месте муж, кавалерийский поручик застрелил неверную жену и ее служанку, помогавшую своей хозяйке в ее любовных шашнях.

В меблированных комнатах купца Петрилова, которые нынче были превращены в склад «Оптпуштогра» проигравшийся в карты коллежский регистратор с горя устроил пожар с большим количеством человеческих жертв.

Было еще несколько эпизодов с кровавыми развязками. Я просмотрел все имевшиеся в нашей ведомственной библиотеке подшивки старых газет. Но больше ничего интересного не нашел. Что если безобразит кто-то из тех давнишних злодеев? Вот только кто?

Все свои документальные изыскания я проводил днем, отрывая драгоценное время ото сна. Ночью же блуждал по району, ища встречи с фантомом. Так прошло почти три недели. Сегодняшняя ночь обещала быть особенно трудной. Во-первых, было довольно холодно, столбик термометра застыл на минус девятнадцати еще днем, а во-вторых, я сильно простудился, беспрестанно кашлял и чихал, что довольно сильно изматывало. Наверное, у меня был жар, но заменить меня было некем. Другие сотрудники нашего отдела выполняли иные, не менее ответственные задания.

В кармане шинели лежал заряженный серебряными пулями наган, а в кобуре ждал своего часа ТТ. однако, я был уверен ни один, ни второй ствол мне не помогут. Фантомы – персоналии неординарные, их спецприспособлениями не возьмешь, их вообще не возможно устранить с помощью нашего оружия. Это вам не оборотни, упыри, или злобные ведьмы, да лешаки. С приведениями нужно обязательно договариваться. От опыта и мастерства бесогона зависит, уйдет ли мятущаяся душа в мир мертвых, или же продолжит пугать живых.

Я шел по улице, как вдруг из подворотни донесся истошный женский крик.

– Помогите! Грабят, убивают, последнее отнимают!

Этого еще не хватало! Я бросился на помощь. Забежав в подворотню, увидел двоих типов в куцых блатных клифтах, на головах, несмотря на мороз, кепки-восьмиклинки, особенно почитаемые у столичной шпаны.

Их жертва, припозднившаяся миловидная женщина средних лет в лисьей шубе и каракулевой шапке-таблетке в ужасе застыла, облокотившись о стену дома. Ее белое от ужаса лицо было похоже на посмертную маску. Времени – два ночи. Окна дома темны, жильцы спят, а если даже и не спят, никто не выйдет, все боятся блатарей. Телефонов в квартирах нет, на вызов милиции рассчитывать нечего.

Двое молодых парней лет семнадцати чувствуют свою безнаказанность. В руках одного из них финка, которой он свирепо размахивает пред самым лицом жертвы.

– Часики, денежки попрошу, шубку и шапочку снимайте, гражданочка, – нагло ухмыляясь, заявляет он.

– А сама пусть на снег ложится, позабудем, с ней, зема! – вожделенно поглядывая на жертву, добавляет его дружок, – ложись, лярва! Будешь ласковой, жить оставим! – бросает он испуганной женщине.

Та, трясаясь от страха, выполняет все приказания.

– Стоять, сволочи! Руки в гору!

Я выхожу на освещаемый тусклой лампочкой участок, в руках у меня ТТ. Парни испуганы.

– Перо на снег кидай, живо – приказываю я тому, кто с ножом.

– Понял, сей момент бросаю, только не шмаляй, начальник, – бормочет он

Он смотрит куда-то мне за спину и вдруг его лицо начинает дергаться, по губам текут слюни. Старый, как мир, прием, меня таким не проймешь. Я оглянусь, а он метнет финку точнехонько мне в шею.

– Т-т-там, – он заикается, брызжет слюной и тычет пальцем куда-то в проулок.

Его друг тоже начинает дрожать всем телом.

– Нечистый, нечистый! – орет второй уркаган, усаживаясь задницей в сугроб.

Женщина теряет сознание и медленно оседает в снег. Я оборачиваюсь и отчетливо вижу Его!

Призрак весь колеблется в лунном свете. Его лицо закрыто капюшоном плаща. Видна лишь черная борода и оскаленный в страшной ухмылке рот. Кисти рук, испачканные кровью, сильно дрожат, и от этого фантом кажется еще ужаснее. Он приближается ко мне, но я стою, не шелохнувшись. В первый момент главное не показать своего страха и выстоять, тогда призрак теряется и становится менее агрессивным.

– Ты кто такой? – спрашиваю я зависшего в метре от земли фантома.

– Зауспокойную отслужить, невинно убиенные не дают покоя! – завывая на все лады, начинает он свою речь, потихоньку двигаясь по направлению ко мне и обдавая меня страшным могильным ходом, от которого, кажется, останавливается сердце.

– Кто ты? – не отступая ни на шаг, вновь спрашиваю я.

Но призрак начинает кружиться на месте. Его завывания становятся все громче, слов не разобрать, звучат лишь надсадные стоны, перемежающиеся с всхлипами и глухими хрипами, похожими на рыдания. Капюшон с его лица падает, и становятся видны грубые, словно высеченные топором черты лица. Большой нос, тяжелый заросшей жесткой бородой подбородок, крупные, искушенные до крови губы и огромные безумные глаза, горящие желтым дьявольским огнем.

Я смотрю на него, не отрываясь, и призрак начинает отдаляться, он уплывает куда-то назад, быстро уменьшаясь в размерах. На улице слышится цокот копыт. Конный милицейский патруль из подведомственного майору Степанчикову отделения.

– Сюда! – властно кричу я.

Двое всадников влетают в желтый клин фонарного света и моментально берут в оборот еще не пришедших в себя молодчиков. Их жертва благодарно кивает головой и плачет, теперь уже от радости. Ее слезы текут по лицу, безжалостно размазывая искусно наложенные пудру и румяна. Черные от краски глаза, кроваво-красный рот. Она вдруг кидается ко мне с диким воплем.

– Кто?! Кто это был, товарищ старший лейтенант?! Какой он страшный! Он ведь мог нас убить!

– Успокойтесь, гражданка, не стоит так нервничать, – пытаюсь я успокоить женщину, но она бросается на колени и ползет ко мне, пытаясь ухватить за полу шинели.

– У нее истерика, – бросаю я седоусому сержанту в надвинутой на самые брови ушанке.

– Эти не лучше! – сержант кивает на все еще сидящих без движения уркаганов.

Бандиты глядят прямо перед собой и даже не пытаются сопротивляться, когда сержант и его напарник пихают их в спины дулами своих винтовок. Милиционеры свою работу знают, а я вот, похоже, сваял дурака. Кто был предо мной, выяснить не удалось...

Я иду пешком к нам в отдел. Пойду туда прямо сейчас, к утру явится Дадуа. Доложу ему все, как есть, решение о дальнейших действиях будем принимать уже вместе. Я долго иду, останавливаясь лишь, чтобы немного отдышаться. Наконец я захожу в здание и показываю охране свой пропуск. Наверное, я выгляжу совсем больным, караульный долго смотрит мне в след, рука его тянется к телефону.

Я поднимаюсь на этаж к Дадуа. К моему удивлению Вахтанг все еще на службе. Он и худенький седовласый старикан в круглых очках сидят за столом Дадуа, склонившись над какой-то толстой книгой в потертом от времени кожаном переплете.

– Я видел призрака, – не здороваясь, я усаживаюсь за стол и смотрю прямо перед собой, пытаюсь сдержать рвущейся наружу кашель, – огромный чернобородый гигант в черном же капюшоне и с испачканными кровью огромными руками. Красавец, а?

– Дадуа смотрит на меня с тревогой. Наверное, я похож на сумасшедшего, но сейчас это не важно.

– Познакомься, Савва, это знаменитый историк-московед Павел Иванович Четвергов. Я привлек его к делу, он поможет нам.

Дадуа кивает в сторону седенького старичка в смешных круглых очках. Четвергов улыбается и приветливо кивает мне головой.

– Вы, товарищ, нарисовали портрет видного сподвижника Петра Первого Якова Брюса, знаменитого чернокнижника, алхимика и необычайного любителя мистики.

– Яков Брюс? – я не верю своим ушам, – при чем тут эта одиозная личность? Брюс не носил бороды, Я видел его портрет...

– Не это главное, – Четвергов стал серьезен, – на интересующем вас участке стоит Сухарева башня, в которой располагалась лаборатория знаменитого чернокнижника. Там он проводил свои опыты, пытаясь найти некий эликсир, побеждающий смерть.

Профессор встал из-за стола и стал медленно прохаживаться по кабинету, меря шагами натертый до блеска паркет. Мы с Дадуа молчали, терпеливо ожидая, когда Четвергов продолжит свой рассказ. Пройдя не меньше полукилометра, профессор заговорил вновь:

– По легенде чернокнижник проводил свои опыты всегда в одиночку. Он часто зазывал к себе в лабораторию бездомных бродяг, угощал их вином. Затем, напоив до беспамятства, безжалостно умерщвлял.

– Зачем? – вырвалось у меня.

– Что бы пробовать на них свои чудодейственные эликсиры. Чернокнижник мечтал научиться воскрешать людей. Свои опыты он записывал в специальную книгу, туда же помещал рецепты своих эликсиров. «Брюсовы письма» – так звали современники записи чернокнижника. О погибших бродягах никто и не догадывался...

– Куда же он девал тела несчастных? – поинтересовался я, – Не выносил же он трупы из башни, так ведь можно было попасться на глаза прохожим, или петровским гвардейцам. В одиночку избавиться от тела очень нелегко, а чернокнижник, по вашим словам, умерщвлял бродяг регулярно. Тел должно было быть много...

– Думаю, что Брюс не выносил тела из своей башни – лаборатории, – задумчиво произнес Дадуа, – думается, что он прятал их прямо там, замуровывал в стену, или же в пол.

– А как же тошнотворный запах гниения разлагающихся тел? – не отставал я.

– Яков Брюс был превосходным химиком. Может статься, он обладал также навыками бальзамировщика. Именно поэтому его кладбище жертв науки никто и не обнаружил. Он умел лишать тела мертвых запаха гниения, – предположил Дадуа, – кстати, исчезнувших бездомных бродяг никто не искал. И с этой стороны чернокнижник поступал осмотрительно.

– Только одного не предусмотрел чернокнижник. После смерти за свои деяния придется нести ответ. Вот и ищет неприкаянная душа покаяния. Нет ей покоя и прощения, невинно убиенные жертвы его опытов нуждаются в молитве и захоронении по христианским обычаям. Вот и ходит он по ночам, просит прохожих отслужить службу по невинно убиенным, – проговорил Четвергов.

Профессор вновь сел за стол, открыл передо мной книгу, которую они с Дадуа рассматривали до моего прихода.

– Не этот ли тип встретился вам сегодняшней ночью? – спросил меня Четвергов, указывая на рисунок гладко выбритого человека в парике.

– Нет, не он, – я отрицательно покачал головой.

– А так?

Четвергов закрыл рукой парик и легонько дорисовал простым карандашом бородку.

– Очень похож, – я был поражен этим простым преобразованием одного человека в другого, казалось, совсем не походящего на свой же портрет.

То-то! – Четвергов назидательно поднял вверх указательный палец, – Брюс, к вашему сведению, редко бодрствовал днем, в основном работал по ночам. Конечно, на ассамблеи, которые регулярно устраивал царь Петр, Брюс являлся по тогдашней моде, облаченным в красивый камзол, гладко выбритым и в нарядном парике. В жизни же он предпочитал обычный темный плащ, да и бриться чернокнижник не любил. Царь знал об этом, но прощал эту слабость своему сподвижнику. Боярам бороды рубил, а Брюса не трогал. К слову сказать, призрак чернокнижника шатался по Москве и раньше, но вы первые, кто услышал и правильно истолковал его мольбы. Спасибо, что решили избавить москвичей от этого жуткого зрелища.

– Откуда вы все это знаете, профессор? Говорите о Якове Брюсе, словно о своем соседе по коммунальной квартире, – восторженно воскликнул я, крайне довольный тем, что Дадуа привлек к сотрудничеству такого замечательного человека.

– Изучая исторические документы, я обращаю внимание на всякие мелочи, которые другие просто не замечают. В истории нет мелочей – это мое глубочайшее убеждение, пронесенное через всю жизнь, – с достоинством ответил Четвергов, – я вам больше не нужен? – он посмотрел сначала на Дадуа, затем на меня.

– Нет, сейчас вас отвезут домой. Спасибо за консультацию.

Мы с Дадуа сердечно распрощались с профессором, он шагнул к выходу, но тут же обернулся:

– А вы что собираетесь предпринять теперь? – Четвергов с интересом смотрел на нас через толстые стекла своих круглых очков.

– Отправимся в башню, и будем искать захоронение жертв чернокнижника. После приедем туда священника, он отслужит заупокойную службу, – ответил Вахтанг.

– Я с вами! – решительно заявил профессор, – найдем захоронение быстро. Там мало, что изменилось с той поры.

– Будем рады, – радушно улыбнулся Дадуа.

Через час мы были на месте. Вахтанг вызвал к башне взвод бойцов дивизии Дзержинского.

– Простукивайте стены, ваша задача найти пустоты. Найдете, аккуратно разбирайте кладку. Нашедшему древнее захоронение – повышение в звании и отпуск домой! Начали! – скомандовал Дадуа, а, повернувшись к профессору Четвергову добавил, – а вы, уважаемый Павел Иванович, следите за моими архаровцами, не то, они всю башню по камешкам разберут.

Мы ожидали скорого результата, но работа шла туго. Потребовались дополнительные силы. Прибыло пополнение. Дадуа пришлось вызвать саперов. Саперный лейтенант приехал на место со специальной техникой. Целую неделю мы искали захоронение жертв опытов чернокнижника и, наконец, нашли

Перед нами предстала ужасная картина. В большой каменной пазухе лежали останки несчастных жертв эксcrementов Брюса. Некоторые тела были мумифицированы, другие же рассыпались в прах, едва мы открыли этот своеобразный склеп. Там же лежала небольшая книга в сафьяновом переплете. Профессор Четвергов поднял ее и осторожно смахнул вековую пыль, в тот же миг книга рассыпалась у него в руках. Вместо исписанных страниц и цельного, слегка тронутого тлением переплета нам досталась лишь жалкая кучка пыли.

– Что это было, товарищи? – профессор потерянно смотрел на нас с Дадуа.

– Думаю, это и были загадочные Брюсовы письма, о которых вы упоминали, – Дадуа смотрел на кучку пыли, оставшуюся от книги, совершенно равнодушно, – наверное, к лучшему, что труды Брюса постигла такая участь. Видимо, к концу жизни чернокнижник охладил к своим опытам и, разуверившись в них, похоронил свой дневник вместе с трупами бродяг.

Этой же ночью тела несчастных мы забрали и захоронили их в общую могилу на одном из подмосковных погостов. Привезенный по распоряжению Дадуа старичок-священник отслужил заупокойную службу дважды, на самом погосте и в башне, где чернокнижник проводил свои опыты.

– Зачем же было служить в башне? – недоумевал Четвергов.

– На случай, если мы разыскали не всех погибших, – объяснил профессору Вахтанг.

Время подтвердило правильность наших действий. С тех пор прошло много лет, но больше зловещий призрак по Москве не шлялся и не пугал своим видом припозднившихся москвичей.

«Ангельская эскадрилья» (рассказ лейтенанта МГБ Сергея Манцева)

Я Сергей Манцев 1919 года рождения. Родители мои погибли на фронтах гражданской войны. Сам же я воспитывался в специальном детском доме. Детдом наш был привилегированным, в нем жили ребята, чьи родители отдали свою жизнь в борьбе за торжество идей Великого Октября. Шествовали над нами военные летчики, позже их стали гордо именовать «сталинскими соколами». Эти мужественные люди приходили к нам каждые выходные, часто возили на аэродром, где показывали настоящие боевые самолеты, рассказывали об их устройстве и порой, в обход всяких инструкций, брали нас с собой в тренировочные полеты. Первый раз из кабины самолета я увидел небо в шестилетнем возрасте. После детдома поступил в летное училище, которое и закончил перед самой войной в чине младшего лейтенанта.

Тогда я еще не знал о существовании спецотдела «Бесогон», где мне пришлось служить впоследствии. События, происшедшие со мной в первые месяцы войны, предопределили мою дальнейшую судьбу...

Случилась эта история ранней осенью 1941 года неподалеку от Москвы. Наш эскадрилья, находившаяся в составе Н-ского авиаполка, всю участвовала в воздушных боях с немецкими ассами Люфтваффе. Фашист стремился к полному господству в небе и сильно превосходил нас по численности самолетов, но наши летчики не сдавались и героически противостояли проклятым «стервятникам». Я на своем «ишачке» тоже совершал боевые вылеты и даже сбил один немецкий самолет.

Бои были тяжелыми, а потери страшными. Нам противостояли отлично обученные летчики, но мы воевали за свою землю. И это удесятерило наши силы.

Однажды во время боя я расстрелял весь свой боезапас. То был очень тяжелый бой. Вражеские ястребки появились неожиданно. Вероятно, они сопровождали звено своих бомбардировщиков и, отработав полетное задание, возвращались на базу. Мы же с ребятами прикрывали с воздуха отход нашей бронеколонны. Вместе с идущим на переформирование танковым подразделением по пыльной проселочной дороге двигались колонны беженцев. С воздуха были видны старики и молодые женщины, державшие за руки маленьких детей. Все они шли, неся с собой тучки с самым необходимым. Некоторые даже катили детские коляски, груженные нехитрым домашним скарбом. Танкисты, идущие впереди, постелив на броню старые форменки и устроив нечто вроде лежанок, взяли на борт самых слабых, но машин было мало, и места на всех не хватало.

Фрицы тоже заметили колонну, тут же решили атаковать ее и стали спешно перестраиваться. Трое из четырех стервятников двинулись на нас с моим ведомым, а еще один, самый прыткий, начал снижаться, стараясь расстрелять колонну с безопасной для себя высоты.

Прицельные выстрелы из винтовок наших бойцов порой поражали самолеты противника, идущие на малых высотах, и фрицы заметно трусили, снижаясь лишь в том случае, если по дороге брели беззащитные беженцы. Здесь же гражданских прикрывали танкисты, коих следовало опасаться.

«Стервятник» заложил вираж. Я уже ощущал, как этот гад готовится нажать на гашетку и даже воочию представил себе, как его поганые пули станут косить беззащитных. Короче, я решил атаковать фрица, идти на таран, предварительно вытеснив его на безопасное от колонны расстояние. Пусть мы вместе погибнем, но глумиться над мирным населением я ему не дам. Снизу слышались pistolетные выстрелы. Танкисты, разгадав маневр немца, лупили по нему

из личного оружия. Но все было тщетно, гад находился на недостижимой высоте и собирался начать свою мерзкую охоту.

– Прощай! Иду на таран! – крикнул я своему ведомому белорусу Витьке Коршуну.

Коршун уже зашел в хвост одному из мессеров. Радиоэфир донес ему мое последнее послание. Я искренне жалел боевого товарища, ему тоже не суждено было выжить. Немцы находились в большинстве. Чем я мог помочь своему другу? Я лишь оттянул на себя еще одного стервятника. Распознав мои намерения, еще один фриц рванул ко мне, поливая мою машину свинцом. Я нырнул вниз, ожидая повторения атаки, но немец активности не проявлял. Наоборот, он стал уходить в сторону.

Что происходит? Помощи, вроде бы, ждать было неоткуда. Я оглянулся. За мной виден был смутный силуэт старого, дореволюционного еще самолета. Такие машины видел я в пожелтевших от времени журналах, кипа которых лежала на чердаке нашего аэроклуба. Откуда они здесь? Что за наваждение?

Меж тем скоро вдалеке появилось еще несколько таких же раритетов. Их было три, или четыре. Контуры самолетов терялись в окружавшей их туманной дымке. Они стали теснить немцев, те открыли по «ветеранам авиации» огонь. Казалось, очереди фашистов прошивали таинственные самолеты насквозь, но те и не думали гореть, они даже не снижали скорости. Не отвечая на выстрелы, наши спасители продолжали нестись на врагов.

– Кто они? Что происходит? – в моем наушнике гремел возбужденный голос моего ведомого Витьки.

– Н-не знаю, – это все, что я мог ответить.

Краем глаза я увидел, как фашист, пытавшийся расстрелять мою машину практически в упор, вдруг клюнул носом и стремительно стал крениться вбок. Секунда, и он резко пошел к земле, старинный самолет же продолжал маневрировать и отогнал еще одного вконец растерявшегося фрица. Я не заметил, как и этот немец упал вниз, слышен был лишь пронзительный гулкий взрыв. Место падения мессера озарилось яркой вспышкой.

Два оставшихся самолета противника уже и не помышляли о продолжении боя, надсадно ревя моторами, они стремительно уходили прочь. Я бросил взгляд на наших с Витькой спасителей. Они, выполнив свою задачу, медленно таяли в воздухе. Лишь один, тот, что был ближе всех ко мне, упорно сохранял свои очертания. Я различил на борту самолета светлый образ Николая Чудотворца. Лик был выписан зримо и ярко. Закатные лучи солнца освещали его. Также мне удалось разглядеть лицо пилота. Это был молодой темноволосый мужчина в кожаном реглане. На лице его я заметил аккуратные щеголеватые усики. Так носили усы до революции, подобные портреты модников той поры я видел в тех же старых журналах, что зачем-то хранились на чердаке нашего осваохимовского аэроклуба.

Пилот тоже пристально смотрел на меня. Наконец, он улыбнулся, усики взметнулись вверх, он приложил к виску два пальца и, отсалютовав мне, пошел на разворот. Мгновенье, и его машина тоже растворилась в воздухе. Я хорошо запомнил это его лицо и добрую, чуть грустную улыбку.

Вернувшись на аэродром, мы с Витькой подробно отразили в рапортах, все, что произошло с нами в воздухе, не забыв упомянуть о сбитых неведомыми авиаторами вражеских самолетов. Комэска, ознакомившись с нашими рапортами, расспросил нас о случившемся, выслушал очень внимательно и тут же доложил о странном происшествии в штаб полка. Туда же он отвез наши рапорта, которые сложил в специально заведенную для этого дела папку.

На следующий день нас отстранили от полетов, а еще через сутки на аэродроме появился молодежавый стройный человек в отлично подогнанной по фигуре шинели без всяких знаков различия. В руках человек держал тонкую кожаную папку.

– Вахтанг Дадуа, начальник спецотдела при центральном аппарате НКВД СССР, – представился он.

– Младший лейтенант Манцев, – изрядно стухнув, доложил я.

Появление на аэродроме нквдешника ничего хорошего мне не сулило. Скорее всего, меня сейчас арестуют и обвинят в чем-нибудь страшном. Но дело вышло совсем иначе. Дадуа провел меня в пустовавшую в этот час палатку командира эскадрильи.

– Мы ознакомились с вашими рапортом, где вы подробно описали случившееся с вами, вы правильно сделали, что не скрыли сей весьма важный факт, – произнес Дадуа.

Я молчал, ожидая продолжения разговора. Гебист достал из тонкой кожаной паки пожелтевший от времени газетный лист и подал его мне.

– Прочтите, товарищ Манцев. Здесь сообщается о подвиге вашего деда, поручика Манцева. Ваш дедушка был авиатором и погиб, прикрывая отход своих боевых товарищей. Дело было в первую империалистическую...

Дрожащими руками я принял старый номер «Военного Вестника». Газета оказалась за 1914 год. В небольшой заметке сообщалось, что поручик Манцев вступил в неравный бой сразу с тремя самолетами противника. Внизу прямо под выцветшими плохо различимыми строчками был помещен портрет молодого летчика в кожаном реглане. Щегольские усики, добрая немного грустная улыбка. Все это было мне знакомо, я сразу узнал моего спасителя.

– Товарищ Дадуа, – начал, было, я, но тут же замолчал.

Я был потрясен и просто не мог найти слов, чтобы выразить этому человеку свою искреннюю благодарность. Дадуа терпеливо ждал, когда мое волнение пройдет. Наконец я смог собраться с мыслями.

– Как же это? Как это стало возможным? Оказывается, это дед спас меня в том страшном бою, – растерянно пробормотал я.

– Вы что-нибудь слышали об ангелах-хранителях? – спросил Вахтанг Георгиевич, пронзая меня своим строгим проницательным взглядом.

– Да, – я покраснел, – но я комсомолец, и...

– Одно другому не мешает, – прервал меня Дадуа, – факты, товарищ младший лейтенант, вещь упрямая. Сообщения об ангельской эскадрильи приходят и из других источников. Я поднял сведения о вашем дедке. На борту его боевой машины на самом деле был изображен лик Николая Чудотворца.

Я вслушивался в слова этого странного человека и вдруг поймал себя на мысли, что безоговорочно верю ему.

– Я ознакомился и с вашим делом, товарищ Манцев, – он вновь бросил на меня свой острый пытливый взгляд, – и предлагаю служить вам в моем отделе. Думаю, что вы сможете стать отличным чекистом. Ваш перевод в Москву уже согласован с комполка. Идите собирать вещи, отъезд через пятнадцать минут.

– Товарищ Дадуа, – я замялся, – сейчас война, очень тяжелый момент, а я военный летчик. Позвольте продолжить службу здесь, в полку. Сейчас каждый авиатор на счету.

– Вот как? Значит, отказываетесь? – в голосе Дадуа зазвучал металл.

– Так точно, здесь я нужнее. После войны обещаю прибыть на новое место службы, в возглавляемый вами спецотдел.

– А если убьют? – голос Дадуа несколько потеплел.

– С таким-то ангелом-хранителем? – я усмехнулся, – обещаю остаться в живых и прибыть к новому месту службы сразу после войны.

– Молодец, Сергей, я знал, что ты останешься в полку! Иного ответа, признаться, я от тебя и не ожидал, – Дадуа протянул мне руку, – но после войны я все же заберу тебя к себе. Помни, ты обещал мне остаться в живых!

– Так точно! – браво гаркнул я.

Мы обменялись рукопожатиями, и Дадуа быстро зашагал к ожидавшей его черной эмке. Полы шинели развивались за ним, он был похож на большую птицу и, казалось, вот-вот взлетит.

Я сдержал свое слово и остался жив. В июне сорок пятого на меня пришел запрос от Дадуа, и я отправился в Москву, где поступил на службу в «Бесогон». Рассказы об ангельской эскадрильи мне приходилось слышать еще не единожды. Авиаторы первой мировой появлялись в дни самых напряженных сражений, но я лично их больше не встречал. Номер «Военного Вестника», оставленный мне Вахтангом Дадуа, стал моим талисманом и постоянно сопровождал меня в боях.

«Тайна склепа поручика Лозницкого» (история, рассказанная лейтенантом МГБ Семеном Нечаевым)

Я Семен Нечаев, рожденный в 1922 году. Во мне течет русская и черкесская кровь. Моя мать черкешенка, урожденная княжна Тикеша Неруева, а отец красный командир Фрол Нечаев. Как познакомились и сошлись такие разные в социальном плане люди, как мать и отец, я толком не знаю. Я потерял их очень рано. Родители погибли от рук басмачей во время набега белобандитов на гарнизон красноармейцев, где мы жили. Мне же удалось спастись. Воспитывался я в детдоме под Самаркандом, там же проявился мой странный и страшный дар. Дело в том, что я обладаю уникальным умением слышать голоса умерших людей. Но происходит это не всегда по моей воле. Точнее, я не властен над этим своим даром. Порой он, подобно эпилептическому припадку, настигает меня совершенно неожиданно. Иной же раз я вхожу в общении с мертвыми добровольно. Конечно, я не бьюсь при этом в конвульсиях и не теряю рассудка, но, признаться, жить мне много сложнее, чем другим, обычным людям.

По выпуску из детдома я поступил в училище младшего комсостава войск НКВД. Перед самым окончанием я поведал о своем уникальном даре начальнику курса, тот доложил по команде наверх. Вскоре я был вызван в Москву к Вахтангу Дадуа. Начальник спецотдела «Бесогон» предложил служить под его началом. С тех пор я офицер «Бесогона».

Мужчина средних лет в добротном сером костюме стоял на трамвайной остановке и наслаждался ярким июльским солнцем. Лето победного сорок пятого года выдалось не особо теплым. Сегодня был первый день, когда солнце стало припекать по-настоящему, радуя москвичей своим запоздалым теплом.

Мужчина ослабил узел галстука и даже расстегнул верхнюю пуговицу дорогой, явно купленной в коммерческом магазине сорочки. Нацепив на нос вошедшие в моду после войны солнцезащитные очки «янки», он насвистывал веселую песенку и лениво поиграл щегольским зонтиком-тростью. Зонтик был иностранным, скорее всего, трофейным, и заканчивался длинной блестящей спицей. Любуясь самим собой, пижон окидывал оценивающим взглядом стоявших неподалеку от него девушек. Созерцание стройных девичьих фигурок явно доставляли ему удовольствие, он одобрительно хмыкал, на его аристократически бледном лице поигрывала сальная улыбка.

Я же стоял напротив него, возле дощатой будки с криво намалеванной надписью «Киоск «Пиво-Воды». Осушив до самого доньшка свою кружку, я намеренно громко икнул и полез в карман плаща за куревом. Дрожащей рукой я достал дешевый металлический портсигар и, открыв его, принялся доставать папиросу. В одной из половинок моего портсигара была помещена фотография человека с аккуратно зачесанными назад темными волосами. На бледном худом лице особо выделялась тщательно подстриженная бородка-эспаньолка. Франт был одет в модный в начале двадцатого века сюртучок и узенькие брючки. Высокие охотничьи сапоги, плотно охватывавшие несколько полноватые икры, добавляли ему романтизма, а редкая седина, едва пробивавшаяся в смоляных волосах, делала мужчину солидней и значимее.

Я мысленно сравнил изображенного на отлично отретушированном фото франта и стоявшего передо мной пижона в серой паре. Сходство было полным. Правда, заметил бы его не каждый. Узнать человека по фото своего рода искусство, особенно, если между сравниваемыми типажамы промежутки длинной в несколько десятилетий.

Я же был отлично тренирован и почти сразу определил, что аристократичный поручик Юрий Аристархович Лозницкий и хамоватый совслужащий в добротной серой паре – один

и тот же человек, если можно назвать человеком это форменное исчадие ада, за которым я гонялся уже несколько недель.

Давно погибший поручик был прямо предо мною и выглядел «живее всех живых».

Что же делать? Одному мне ликвидировать, а тем более, взять его живым, будет крайне затруднительно. Тип этот очень опасен. Я проверил подвешенный к внутренней стороне моего плаща небольшой выточенный наподобие кинжала осиновый кол. Кол удобно лег в руку, окропленный святой водой, он было грозным оружием против упырей, к коим, без всякого сомнения, принадлежал мой поднадзорный.

Эх, вызвать бы сейчас помощь, ребят из отдела, но это нереально. Отлучишься позвонить, а этот мерзавец, фьють, и скроется. Куда же он едет? Скорее всего, на Ваганьковское кладбище. А если, нет?

Я поправил свою благовскую кепку-восьмиклинку, докурил папиросу и, специально швырнув окурок мимо урны, потопал к остановке. Не доходя нескольких шагов, я намеренно споткнулся и едва не снес субтильную молодящуюся из последних сил старушенцию в котиковом жакете.

– Шпана проклятая, нажрут, и давай народ толкать! – начала роптать старушенция, обиженно поджимая сухонькие губки и поправляя крашенные стрептоцидом заметно поредевшие волосенки.

– Ша, старая! – состроив зверскую рожу, рявкнул я.

Толпа на остановке моментально уставилась на меня, а я бросил быстрый взгляд на пижона, он брезгливо отвернулся, демонстрируя полное презрение. Очень хорошо, всерьез меня упырь не воспринимает, и это позволит мне беспрепятственно наблюдать за ним еще какое-то время. Потом он меня, конечно, вычислит...

Упыри, или, как их еще зовут на иностранный манер, вампиры, очень наблюдательны и хитры. Это племя весьма изворотливо и чует опасность за версту. Они довольно сильны физически, и мало похожи на растиражированные в дешевых романах сказочные образы. Никто из них не боится чеснока и уж тем более не спит в гробах, шарахаясь от дневного света. Да, эти особи имеют бледную кожу и не слишком сильно выступающие боковые зубы-резцы, но только и всего. Они и вправду предпочитают не смотреть на солнечные лучи, но могут наслаждаться загаром, спрятав глаза за стеклами затемненных очков. Впрочем, то же самое можно сказать и про великое множество обычных людей, не имеющих к упырям никакого отношения. Если бы вычислить упыря было бы так просто, мы бы давно их всех перебили. А так, приходится действовать аккуратно, стремясь избежать жертв среди невиновных людей.

Единственное, что может остановить упыря – это старый добрый осиновый кол, в этом народные поверья не лгут. Но любой бесогон скажет вам, что перед тем, как всадить острую деревяшку в грудь нежити, придется провести серьезную оперативную работу.

Дело Лозницкого вновь было заведено два месяца назад. Я говорю «вновь», ибо известно, что этого мерзавца ловили уже наши предшественники бесогоны славного Жандармского Управления, но их усилия не увенчались успехом. Тогда мерзавец успел уйти. Исчез. Испарился, будто провалился сквозь землю. Наш ветеран Савва Сорокин, было, думал, что тот сбежал от греха подальше в старушку-Европу, но тут нежить объявилась вновь.

Москву потрясла серия самоубийств молодых девушек. Студентка мединститута Клавдия Свешникова, парикмахер мужского зала Дина Боумгардт, библиотекарь Нинель Ивашкевич, кассир с Киевского вокзала Раиса Салыхова, модистка Таисия Чудко. Почти все эти девушки были найдены повешенными у себя дома. Лишь модистку Чудко нашли, висевшей на ветви дуба в подмосковном лесу. Тело несчастной девушки обнаружили грибники.

У всех жертв была одна характерная отметина, два следа от укуса зубов на шее. Не зажившие ранки уже не кровоточили, но еще не успели окончательно затянуться. Очень скоро наш

судмедэксперт установил, что смерть наступала почти сразу после укуса. А характерный прикус позволил установить, что здесь работал один и тот же упырь. Но кто?

Наш судмедэксперт старик Мухоморов, служивший в отделе еще при царизме, утверждал, что раньше у них была специальная карта прикусов всех известных вампиров, но после победы Великого Октября, ее сожгли вместе со всей документацией отдела. Наш самый авторитетный бесогон Савва Сорокин согласен со стариком. Кстати, именно Сорокин надоумил Вахтанга Дадуа, начальника «Бесогона», разыскать старика Мухоморова и вновь принять того на службу. Дадуа прислушался к мудрому совету, теперь Мухоморов снова в срою. Кроме своих непосредственных обязанностей он выступает в роли своеобразного консультанта по нежити. Опыта старику не занимать!

Последний случай собрал нас всех вместе в глухом уголке подмосковного леса, где было обнаружено тело модистки. Собравшийся почти полностью отдел «Бесогона» стоял по стойке смирно перед Лаврентием Павловичем Берией, прибывшим на место отдельно от нас. По случаю конспиративной встречи министр госбезопасности изменился до неузнаваемости. Вместо своего обычного двубортного костюма Берия облачился в сильно вытянутые на коленях шаровары и старый свитер-самовяз. Поверх вылинявшего от частых стирок свитера он накинул брезентовый рыбацкий плащ. На голове министра красовалась железнодорожная фуражка со сломанным посредине козырьком. Ноги были обуты в разношенные резиновые боты.

Свое знаменитое пенсне Берия сменил на большие роговые очки, а под нос наклеил усы, отчего напоминал мне старого мудрого филина из иллюстрированной детской книжки «Сказки леса». Вдалеке на лесной просеке стоял маленький фургончик с надписью «Сбор лекарственных трав». На нем министр прибыл на эту встречу. Секретарь министра капитан ГБ Тимур Кецбая, исполнявший роль охранника и водителя фургона, оставался сзади, предпочитая не слышать содержания разговора.

– До чего дошло, Вахтанг? – голос министра звучал очень тихо, что свидетельствовало о его гневе, – как вы охраняете советский народ? Какой-то кровосос убивает молодых девчат, а вы... – Берия выругался на мегрельском языке, что делал крайне редко.

Сейчас министр обращался к своему старинному другу Вахтангу Дадуа, но тот стоял, высоко подняв голову, и не опускал взгляда.

– Мы работаем. Отрабатываем версии. Мы найдем его, на сей раз не уйдет.

– Девушки сами сводили счеты с жизнью, или он убивал их, инсценируя самоубийство? – спросил вдруг министр.

– Убивал, – ответил Вахтанг, – исключение составляет лишь модистка Чудко. Возможно, она ушла из жизни добровольно. На ее теле нет явных следов насилия.

– Что толкнуло ее на этот шаг? – не отставал Берия.

– Пока не известно, труп эксперт Мухоморов только что увез в морг и еще не успел внимательно осмотреть. Все сведения пока лишь предварительные, но лично я думаю, что девушка не пожелала стать вампирессой. Думаю, тебе известно, что вампиризм крайне заразен. Укус вампира делает свою жертву подобной ему самому, – пояснил Дадуа.

– Слышал об этом. Думал, сказки. Воспринимал упырей как обычных убийц.

– Увы, товарищ министр, сказки оказались страшной явью, – голос Вахтанга звучал глухо. Он сделал паузу. Молчал и министр.

– Поверьте, товарищ Берия, нами делается все, что только должно делаться в подобных ситуациях, – проговорил Вахтанг.

Ну да, ну да, – Берия взглянул на нас, застывших перед ним по стойке смирно, – простите, что обидел вас недоверием, товарищи. Верю, что вы выполните свой долг. Эта мразь не должна жить...

Он повернулся и зашагал к просеке. Тимур Кецбая, держа руку на кобуре ТТ, последовал за ним.

Мы тоже двинулись, но в другую сторону. Наш автобус стоял на опушке возле проселочной дороги. По приказу Дадуа я отправился в морг, где уже работал Мухоморов. Вахтанг Георгиевич поехал со мной.

Нашему отделу был выделен целый прозекторский зал. Старик разложил трупы девушек на длинном во всю стену мраморном столе. Зрелище это было жуткое, все покойницы лежали с одутловатыми почерневшими лицами и вывалившимися изо рта языками.

– Ну, что Семен, покажи свое умение. Попытайся войти в контакт с душами умерших девушек. Может быть, кто-нибудь из них поможет нам в поимке упыря, – велел мне Дадуа.

Легко сказать «покажи умение». Дело это крайне деликатное и весьма специфическое. Вывести на откровенный разговор душу ушедшего в мир иной – величайшая удача, и заниматься этим с кондачка – занятие пустое. Но я все же попробовал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.